

Александр СОЛОВЬЁВ
НАШЕСТВИЕ
ХРОНОКЕРОВ

@ЭЛИТА

12+

Александр Соловьёв

Нашествие хронокеров

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508919
Нашествие хронокеров: Аэлига; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

В центре Москвы неожиданно появляется аномалия, которая расслаивает привычное пространство-время на множество пустынных миров, разбрасывая по ним горожан.

Ростиславу, бывшему учёному-физику, приходится бороться за выживание и пытаться найти объяснение причин таинственной катастрофы.

Содержание

1	5
2	46
3	79
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Александр Соловьёв

Нашествие хронокеров

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Рак времени продолжает разъедать нас.
Генри Миллер*

1

Реальность потеряла значение. Так я думал тогда, в понедельник шестого апреля две тысячи пятнадцатого года.

Это был самый скверный день моей жизни. Откуда мне было знать, что на следующее утро я изменю мнение, и все неприятности, связанные с Саливаном, продажей квартиры и выплатой долга покажутся пустячными?

Был холодный вечер. Дождь полз по стенам, смывая неоны. Я брел по Смоленскому бульвару, пока не дошел до конца. Чтобы не переходить дорогу, свернул на Пречистенку.

Итак, полчаса назад я отдал Саливану все, что имел. С восьми утра – с тех пор, как получил наличные за квартиру – я слонялся по центральным улицам. Я прижимал сверток к груди и планировал побег в отдаленную провинцию. Если бы я сбежал, деньги все равно превратились бы в пепел, а катастрофа застала бы меня где-нибудь под Тамбовом или Пензой. Но в тот вечер мне было очень жаль денег, квартиры и себя.

«Все, теперь я – нищий, – пробормотал я. – К тому же законченный бомж».

Мой жалкий всхлип в уличном шуме прозвучал, как шарканье подошв.

Как ни странно, при мысли о нищете меня вдруг охватило болезненное упоение. Что на меня нашло? Дух романтики?

Предвкушение зарождавшегося отчаяния?

На стене сверкнула вывеска «Вино». Дверь открылась, из лавки, гогоча, вышла молодая парочка.

Во внутреннем кармане пиджака ютились четыре сотни – последние отголоски прошлой жизни. Я вздохнул и завернул в лавку. Взяв бутылку портвейна, вышел обратно в промозглый сумрак, прошагал мимо арки, освещенной фонарем, и тут на глаза мне попалась кафе с вывеской «Колонна».

Надо согреться, отдохнуть и подвести итоги. Я решил войти.

От запаха жареного мяса закружилась голова. Я опустил по ступеням в зал, повесил пальто на вешалку и приземлился за крайний столик.

В зале было не людно. Дребезжала музыка. По соседству сидела темноволосая девушка, поодаль группа парней.

Осматриваясь по сторонам, я думал об оставшихся трех сотнях. Зачем я сюда зашел? На три сотни в супермаркете мог бы купить кило дешевой колбасы, хлеб и... пожалуй, еще одну бутылку.

Впрочем, «Колонна» казалась местечком довольно уютным. Тут можно было посидеть, прикинуть, к кому из друзей попроситься сегодня на ночлег.

Стараясь ни на кого не смотреть, я бережно извлек бутылку, которую предусмотрительно переложил в карман пиджака, взял вилку, стал выковыривать пробку. Мешал оттопырившийся край скатерти. Поставить бутылку на стол или по-

просить штопор я не решался из этических соображений: кафе выглядело благопристойно, не какая-то там забегаловка.

Я ковырял пробку, а с этикетки на меня взирал Вахх, он чем-то смахивал на Жириновского. Я повернул бутылку и прочитал:

Пей вино! В нем источник бессмертья и света,
В нем – цветенье весны и минувшие лета.
Будь мгновение счастлив средь цветов и друзей,
Ибо жизнь заключилась в мгновение это.

Вилка была великовата и никак не лезла в горлышко. Неожиданно она соскочила и оцарапала палец: выступила капля крови. Черт возьми, этого только не хватало...

Тут у девушки, сидевшей по соседству, зазвонил телефон. – Але. Что? – она с полминуты слушала, затем вздохнула: – Ну и ну! Просто кошмар какой-то!

Я посмотрел на палец. Из ссадины выступила кровь. Кошмар, значит? Эх, девушка, знали бы вы, каково тому борода-тому очкарику за соседним столом – мне, то бишь...

Это точно: неприятности наваливались одна за другой. Врагу не пожелаешь. Все началось еще пять месяцев назад. Но теперь, похоже, невезение мое достигло критической массы.

Ладно! Для начала попробую набраться.

Снова повеяло сладковато-тревожным запахом свободы, а с бутылочной этикетки лихо подмигнул покровитель вин-

ных дел. «Живи, как грек Диоген, – предложил он. – Будь неприкаян».

«Ну его, Диогена! – фыркнул я в ответ. – Бочки у меня нету, да и не солнечная Греция вокруг...»

Удалось раскрошить центральную часть пробки. Остаток пропихнул внутрь обратным концом вилки. Тут обнаружилось, что на стол забыли поставить бокалы. Опять, стало быть, неудача... Может, прямо из горлышка выпить?

– Ты вот что, Марина. Сиди в вагоне и никуда не ходи! – увещевающим тоном сказала соседка в телефон.

Я оглянулся и вздрогнул, сообразив, что все это время за мной наблюдала девчонка-официантка. Как можно незаметнее я поставил бутылку на пол, рядом с ногой.

Дождавшись, пока я перестану гримасничать и кусать усы, девушка подошла к моему столику.

– Что будем заказывать? – она вскинула золотистыми кудряшками и поднесла ручку к блокноту. Дежурная улыбка (нет, только слабый намек на улыбку) ничуть меня не согрела. И все же я взял меню и с гибельным упоением стал прикидывать, каким из блюд можно пожертвовать, чтобы девушка смогла на мне заработать хотя бы десятку-другую.

Я заказал порцию свинины с грибами, ризотто, кофе и, получив в ответ равнодушный кивок, стал ждать. Официантка через минуту вернулась с чистым бокалом и тарелкой хлеба.

– Бутылку можно поставить на стол, – сказала она.

Испытав конфуз и благодарность, я глянул на нее и стал

придумывать, что бы сказать в ответ, но тут ее окликнул один из парней:

– Эй, красивая! Переключи-ка телек. Сигнала нет.

Официантка ушла. Я тут же налил себе полный бокал портвейна и, осушив его, принялся жевать хлеб.

Еще не все потеряно, сказал я себе через минуту, почувствовав, как тепло разливается по груди. В Новгороде живут дядя Коля и двоюродная сестра Ирина, они могут дать взаимы на первое время. Смотаюсь к ним на пару дней, а, когда вернусь, сниму квартиру или комнату, подыщу работу: хоть и трудно сейчас с этим, но Москва-то большая, – неужто не найдется работа для научного сотрудника, кандидата физико-математических наук?

Из прежних своих коллег даже обратиться не к кому. Они отмахнулись еще после ссоры с Григоровичем. Вообще сотрудников немало удивило мое поведение. Впрочем, откуда они до этого могли знать, что их приятель окажется таким упрямым, негибким и старозаветным?

Ладно, надо подумать о ночлеге. К кому же попроситься? Может, к Андрею? Около месяца тому он жил один, но за это время вполне мог завести подружку.

На свою квартиру, где пока еще находились мои вещи, я вернуться не мог. Там жил грозный усач по имени Валера со своей широкоплечей женой. Главным условием в договоре было немедленное освобождение площади.

Я опять оглянулся. Официантка держала в руках пульт и

пыталась отыскать канал с хорошим сигналом, но экран по-прежнему оставался небесно-голубым.

Соседка моя уже не говорила по телефону, а задумчиво смотрела на чашку с кофе.

О чем грустишь? У тебя-то, небось, есть жилье и теплая постель?

Перед глазами предстала самодовольная рожа Саливана. Надо же было связаться с бандитами. И как можно быть таким наивным в тридцать один год? Да ты самый настоящий... лох!

Я налил еще бокал, сделал большой глоток и посмотрел в зал. В глазах слегка начало плыть. В семь утра я перехватил бутерброд – это был последний завтрак на собственной кухне – и с тех пор ничего не ел.

Официантка отшвырнула пульт и ушла. Соседка сидела все так же неподвижно, и парни теперь, притихнув, на нее плотоядно косились. Да, мне бы их проблемы...

Я присмотрелся к девушке: она была хороша, но для меня сейчас это не имело ни малейшего значения.

Когда принесли мой заказ, бутылка была уже на две трети пуста, а мир едва ли стал казаться светлее, да к тому же за окном отчего-то погасли фонари, напомнив о предстоящей ночи вне дома. Но после того как уплел поджарку и запил ее добрым глотком вина, я, наконец, почувствовал себя бодрее. Придвинул ризотто и даже усмехнулся: правильно сделал, что завернул на Пречистенку. Буду теперь тянуть оста-

ток бутылки как можно дольше, а потом подогреюсь чашкой кофе и – на Киевский вокзал.

Сзади послышался шум отодвигаемых стульев. Рядом с соседкой уселись двое или трое парней, стали клеиться.

– Ждем, сестренка? – спросил один из них низким голосом. Язык у него слегка заплетался.

– Как насчет задвинуться шампанским? – тут же предложил другой.

– Нет, – коротко ответила девушка, а затем добавила: – У меня встреча.

– Эй, пипл! – крикнул один из парней. – А ну сюда дринч!

– По какому поводу?

– Узнаем!

Компания ответила громким смехом, загремели стулья. Я непроизвольно обернулся и увидел, как трое молодчиков пересаживаются к столику соседки.

– Серый Волк! – представился тот, что говорил баритоном. У него было красное скуластое лицо. – Можно тебя чмокнуть, Красная Шапочка?

Парень был сильно пьян. Он игриво изогнул бровь и наклонился к девушке, но потерял равновесие и ткнулся лбом ей в плечо.

Девушка схватила со стола телефон и намерилась встать, но сидящий рядом некрасивый тип обеими руками удержал ее за плечи. Краснолицый повторил попытку, но тут девушка схватила чашку и выплеснула остаток кофе ему на свитер.

Все замерли.

– Эй ты, крезанутая, – сказал худой юноша с высоким круглым лбом, сидевший напротив. – За такое знаешь что бывает?

Некрасивый тип попытался закинуть руку ей на плечо, но краснолицый перехватил его руку за запястье.

– Не надо, Санек, – сказал он тихо. – Все под контролем.

Парень убрал руку и, подняв редкие брови, уставился на девушку.

– Мы просто играем, верно, детка? – глумливым тоном сказал краснолицый.

Девушка смотрела в стену, и на ее неподвижном лице не отражалось ни испуга, ни даже растерянности.

– Торчу от таких, – сказал краснолицый, он не сводил с нее наглых глаз, вытирая салфеткой свитер. – Давай, кто кого. Хочешь меня привязать к кровати? А может, я тебя?

– Вау! – сказал юноша с высоким лбом. – Улет! Любишь такое? О, е! У меня стэнда! – Он похлопал себя по ширинке.

Краснолицый поднял руку и обвел взглядом компанию. Все затихли.

– А ну в очередь!

Компания снова заржала.

– Ну че, на флэт! – завопил высоколобый.

Я почувствовал, как к щекам прихлынула кровь. В животе заныло.

В этот момент мы с краснолицым встретились взглядами,

и я неожиданно выпалил:

– Эй вы! А ну оставьте ее...

Я сидел к ним вполоборота. Должно быть, сейчас моя давно не стриженная борода торчала глупо и комично. Хоть бы очки снял, что ли!

Парни как-то странно замерли. Краснолицый ухмыльнулся. Тот, кого назвали Саньком, не поворачивая головы, сказал:

– Ну, ни фиги себе прогон! Что это за козел?

Девушка посмотрела на меня удивленно.

– Че-то я не вкурил, – раздумчиво сказал высоколобый. – Это че, стебалово такое?

Я отвернулся, соображая, что делать дальше. Ничего не придумав, вылил в бокал остаток вина и одним глотком выпил.

– Шпана... – огрызнулся, не поворачиваясь. Кажется, в тот миг мне даже не было особенно страшно. Мне было все равно.

Загремел стул. Чья-то рука схватила меня за шею и ткнула лицом в чертово ризотто. К счастью, оно уже почти остыло.

Никто не стал смеяться, только краснолицый неожиданно протрезвевшим голосом сказал:

– Не здесь. На улицу его. А ты посторожи герлу.

Меня подняли за шиворот.

– Расплатись, козел, – мрачно сказал кто-то.

Я достал из кармана купюры, бросил на стол. Меня неза-

медлительно взяли под руки и потащили к выходу. На ходу я успел схватить с вешалки пальто и тут же несильно получил по ребрам.

На улице было сумрачно, лил дождь. Окна кафе отбрасывали свет, а поодаль было еще темнее. Туда меня и волокли.

Я никак не мог попасть в рукав. Парни тащили меня так быстро, что я еле-еле успевал перебирать ногами.

– Шпана? – насмешливо фыркнул краснолицый.

На миг мне почему-то показалось, что с ними можно договориться. Захотелось сказать, что я чуток переборщил и теперь признаю это. Но вырвались другие слова, и они окончательно усугубили мое положение:

– Тронете меня хоть пальцем, будете иметь дело с Саливаном.

Парни злобно хихикнули.

Мы прошли мимо ряда одинаковых окон. Вдруг меня развернули и прижали к стенке.

Не успел я глазом моргнуть, как две пары рук ощупали меня с ног до головы, вывернули все карманы наизнанку. Пальто отобрали. Я услышал, как трещат его швы.

– Беспрайсовник, – сказал кто-то.

Другой с презрением добавил:

– Лошара.

В следующий миг удар в живот согнул меня пополам. Время замедлилось, стало как-то безмятежно.

Через пару секунд я понял, что сижу на выступающем

краю цоколя.

– Встать, – приказал краснолицый.

Меня поставили на ноги. Я попытался сползти снова, но кто-то схватил за бороду, и лицо мое запрокинулось. Я увидел, что мрачное ночное небо в нескольких местах словно продырявлено, и в прорехах тускло мерцают звезды.

– Где живешь? – спросил краснолицый.

– В любимом городе Москве, – сказал я. – И пора бы его очистить от всякой дря...

Сильный толчок, звон в голове – и я лежу на тротуаре.

Успеваю спрятать лицо, прикрыть руками очки.

Удары. Тяжелые ботинки. Со всех сторон.

Вдруг избиение прекращается. Слышна суета. Снова удары – на этот раз не по мне. Такое ощущение, что хулиганы, не найдя во мне достойного соперника, переключились друг на друга.

Еще через несколько секунд на спину мне кто-то грохается мешком и замирает.

С трудом выбираюсь из-под упавшего, поправляю очки, вижу: идет драка. Нет, избиение: это кто-то очень быстрый, очень ловкий наносит удар за ударом, увертывается, прыгает, приседает, отскакивает и снова бьет.

Пытаюсь подняться, и меня снова сбивает падающее тело. Кажется, это краснолицый. Он со стоном отползает в сторону.

Ну вот, наконец, я на ногах. По звуку быстро удаляющихся-

ся шагов догадываюсь: все кончено.

– Эй, вы как? – знакомый голос.

Присматриваюсь. Передо мной моя недавняя соседка из кафе.

Не иначе, я потерял сознание, и все это мне мерещится.

Тру, как болван, ушибленный затылок, едва не вскрикиваю от боли. Кожа целая, но там, на затылке, огромная шишка.

– Чепуха, – говорю. – Легкое сотрясение.

Очки, к счастью, не разбились. Я подобрал пальто. Надо признать, что я довольно легко отделался. И между прочим, оказался втянутым в романтическую историю. Вот прямо сейчас познакомлюсь с ней – прекрасной бэтмэншей.

– Мутит, – я присел на выступ.

Неожиданно перед глазами вспыхнул яркий свет. Я зажмурился. Холодные пальцы незнакомки раздвинули мне веки.

– Сознание не теряли?

– Не помню... – я попытался увернуться.

– Ясно. – Девушка оставила меня, выключила фонарик.

Пока мы перекидывались репликами, краснолицый помог подняться товарищу, и оба, не говоря ни слова, поковыляли в сторону «Колонны».

Не вставая, я стал натягивать пальто. Оно оказалось насквозь промокшим.

– Сейчас, – сказала девушка, доставая телефон. – Скорую

вызову. Поедем в больницу.

В другой бы момент я заупрямился, но сейчас... Что ж, в больницу – так в больницу. Тоже вариант. Особенно понравилась фраза «мы с вами».

Девушка стала набирать номер, хмыкнула, снова понажимала.

– Черт, – буркнула она. – Сети-то нет. Что сегодня такое происходит?

Она оглянулась. Вся противоположная сторона улицы была обесточена. Во многих окнах мерцал слабый свет свечей.

– Не люблю, когда так, – сказала она.

За все это время мимо не проехало ни одной машины, хотя еще не было и десяти часов.

– Зачем вы полезли? – спросила девушка. – Прежде чем геройство проявлять, надо научиться соразмерять силы.

В эту минуту стало совершенно темно. Даже дальние фонари, освещающие старинные здания Пречистенки, погасли.

– Космическая ночь, – прошептал я.

– Похоже на то, – холодно сказала она. – Давайте познакомимся, что ли. Я – Мира.

– Очень приятно. Боков. Ростислав. – Я на ощупь отыскал ее руку и пожал. – А вы... здорово деретесь.

– Предпочла бы этого избежать.

Она еще раз попыталась дозвониться и опять безуспешно.

– Так, – сказала она. – Видно, подругу свою я все равно не дождусь. Надеюсь, когда она выберется из метро, то не

станет болтаться по темным улицам. Сейчас поднимемся ко мне – я живу здесь рядом – окажем вам первую помощь и вызовем скорую по домашнему телефону.

Я не возражал.

Мира резко перебросила мою руку себе через плечо, – оно у нее оказалось на удивление крепким, – и мы побрели по тротуару. Мне не понадобилось особенно притворяться: при падении я ушиб ногу и теперь слегка прихрамывал.

Луна заглянула в одну из небесных дыр и странно озарила дождливую мглу. Над большой стеклянной дверью я разобрал надпись: «Детская библиотека».

Девушка вдруг остановилась.

– Слышите, какая тишина?

Я прислушался, но сосредоточиться смог только на едва различимом запахе ее духов.

– Странно... – опять прошептала она.

Мы двинулись дальше.

Пройдя несколько десятков шагов, мы вышли к переулку, пересекли его и приблизились к дому этажей в шесть. По самому ребру здания поднимался ряд балконов, под ними темнела дверь. Света в окнах не было.

– Лифт умер, – вздохнула Мира. – Топаем пешком.

Она открыла дверь и включила фонарик.

Луч света выхватил стойку, за ней было окно, завешенное жалюзи.

– Вахтер куда-то исчез, – сказала Мира.

Поднявшись на пятый этаж, мы вошли в квартиру.

Мира щелкнула выключателем, потом еще одним, – вспыхнул свет.

– Аккумулятор, – пояснила девушка. – Брат установил.

Я кивнул.

– Разуйтесь и пальто снимите. – Мира указала движением головы на вешалку.

Она ловко сбросила кожаную куртку и продемонстрировала спортивную фигуру, эффектно подчеркнутую джинсами и водолазкой.

Мира была чуть ниже меня – то есть около метра семидесяти. Теперь я мог как следует ее рассмотреть.

Я чуть не ахнул, вдруг осознав, как невероятно она красива. Какая-то нечеловеческая, роковая красота. Будь моя жизнь не так тяжела в этот момент, при встрече с ней на улице я бы остановился, пораженный, и стоял бы, оглядываясь, пока она не скрылась бы из виду.

У Миры были восхитительные черные глаза, узкое лицо, изящная шея и темно-каштановые волосы, собранные в тугой пучок.

Кажется, я затянул паузу: в глазах ее появилась насмешка. Я тут же стряхнул оцепенение, повесил пальто на плечики и, стараясь не волноваться, начал разуваться, но шнурки как назло затянулись на узлы, и мне пришлось с ними повозиться несколько минут.

– Скоро вы там? – спросила она нетерпеливо.

– Да-да, минутку...

Выпрямляясь, я почувствовал, как меня качнуло назад. Хорошо-таки я затылком стукнулся.

Девушка внимательно меня изучала, губы ее при этом оставались плотно сжатыми, лишь в уголках угадывалась чуть заметная ирония.

– Голова кружится, что ли?

– Почти нет.

Я снял очки, сунул их в карман. Была уйма интересующих вопросов. Как ей удалось отмутузить тех хулиганов? Кого она ждала в кафе? С кем живет? Все это время я едва сдерживался, чтобы не начать их задавать. Я опасался, что излишняя говорливость оттолкнет ее и заставит раздумать оказывать помощь.

Она повернулась к зеркалу, повертела головой, оглядывая себя.

Кто она? Мастер по кик-боксингу? Агент спецслужбы? Спортсменка-экстремалка?

Любопытство было сильнее смущения, вызванного тем, что моей спасительницей оказалась девчонка.

– Проходите, садитесь, – сказала Мира. – Сейчас вернусь. Я за аптечкой.

Я вошел в залу.

Квартира была шикарной. Высокие потолки, гладкие стены, современный интерьер – все говорило о достатке и безупречном вкусе хозяев. В сравнении с моим бывшим убежи-

щем, которое сегодня утром перешло в чужое владение, эта квартира казалась настоящим дворцом.

Прежде чем сесть в кресло, осмотрелся. Костюм был весь перепачкан, и я принялся отряхиваться: садиться в дорогое бежевое кресло в таком виде было неприлично.

Вошла Мира, в руках она держала аптечку и радиотелефон. Лицо ее посерьезнело.

– Линия не работает! – сказала она. – А в кране падает напор. Что происходит?

Она подошла к окну, отодвинула золотистую штору.

– Нет света.

Я приблизился к девушке, глянул из-за плеча.

В самом деле, Хамовники и другие прилегающие районы были полностью погружены во тьму. Только вдали, где-то на юго-востоке, отдельные кварталы и улицы поблескивали тусклыми огоньками.

Мира взяла со столика пульт телевизора.

– Не выйдет, – покачал головой я. – Он на переменном токе.

– Ага, – сказала она, понажимав, и отбросила пульт.

– Радио есть?

– Эф-эм. В телефоне.

– Ну так давайте.

Мира достала сотовый, включила приемник.

– Каждую минуту поступает новая инфор... – вскрикнул и замер взволнованный мужской голос.

Девушка побледнела, уставилась на меня.

– Ничего... Ищите дальше, – предложил я.

Без толку. Ни одна станция не работала. После нескольких минут неудачных попыток найти волну Мира швырнула телефон на диван.

– Черт! Что, по-вашему, это может значить?

– Какая-то крупная авария? – пожал плечами я. – Теракт? Они могли подорвать основные электромагистрали, повредить водопроводные коммуникации...

– Кто – они?!

– Враги?.. Полагаю, надо срочно начать запасаться водой.

– Черт... – Мира впихнула мне в руки аптечку, бросила на меня быстрый взгляд. – У вас на лице кровь. Тут перекись, спирт, пластырь... Может, лед принести? Голова еще кружится?

– Нет, спасибо. Мне лучше. Думаю, я уже в порядке.

– Как хотите. – Она вышла.

Я приблизился к большому зеркалу, вновь надел очки и внимательно себя осмотрел. На лбу и подбородке были небольшие ссадины. Я их протер спиртом. Клеить на лицо пластырь было излишним. Снова убрав очки, я поправил прическу и, зажав в кулаке использованную вату, направился на кухню.

Проходя мимо ванной, услышал, как чахло журчит струйка воды – вот-вот оборвется. Происходило что-то катастрофическое, глобальное, но только что пережитая стычка, но-

ющие ушибы, усиливающееся действие алкоголя и неожиданное знакомство с феей не давали моему вниманию сконцентрироваться. Лишь где-то в глубине я ощутил зарождающийся холодок.

Я пересек коридор и попал на кухню. Здесь было просторно и светло. Мира стояла лицом к окну. Я скользнул взглядом по ее бедрам. Теперь это была другая девушка – женственная, домашняя. Как ей только удалось победить четырех мужиков?

– Где у вас мусорное ведро? – спросил я.

Мира, не оборачиваясь, кивнула головой в сторону шкафа. Я пробежал глазами по кухне. Дорогая мебель. Кажется, натуральный дуб. Изысканный кафель цвета слоновой кости. Только какое-то во всем запустение.

– Простите, что так вышло, – сказал я, намывивая руки и вновь тайком поглядывая на ее ноги.

– О чем вы?

– У меня было скверное настроение. Оно всему виной.

– Ерунда! – Она пожала плечами. – Вы просто случайно оказались рядом. Вы сделали то, что на вашем месте сделали бы и другие. Обычное проявление мужской чести. Разве нет?

– Ну, разумеется, разумеется... Просто я в силу обстоятельств... не смог своевременно... то есть, адекватно...

– Ага. Все понятно. Хотите помусолить это тему. Да, в наше время ваш поступок можно назвать подвигом. Вы это хотели услышать?

Я смутился и не нашел, что ответить.

Мира фыркнула, и я уже не понимал, раздражаю ее либо вызываю сочувствие.

– Вы не такая, как другие, – нашелся я наконец. – Вы первая девушка, которая выручает меня на улице.

– Ага. Вы, значит, регулярно становитесь жертвой хулиганов. – Она звонко рассмеялась.

– Ну, не часто, но бывает... – Я задумался. Вот кретин-то. Вместо того, чтобы остановиться, я начал нести полную ахинею: – Последний раз, если не ошибаюсь, это случилось классе во втором. Правда, тогда мне досталось гораздо больше. А, что касается этой моей неудачной попытки защитить вас, то вы совершенно правы. Любой бы на моем месте...

Она покачала головой.

– Нравится философствовать. Что ж, это любимое занятие мужчин.

– По-вашему, они больше ни на что не способны?

– Смотрите сами: несколько лоботрясов, напившись, превратились в свиней. Стадные инстинкты взяли верх. Алкоголь вытеснил страхи. Эти придурки привязались к девушке, хотели продемонстрировать ей свои мужские способности. Тут нашелся еще один мужчина, который возомнил себя героем, бросил вызов, но не рассчитал силы. Вы, мужчины, совершаете благородные поступки не оттого, что убеждены в необходимости поступать именно так. Обычно вы делаете это по глупости либо просто из страха... Гляньте-ка! –

неожиданно воскликнула она. – Вон еще несколько домов погасло!

Я был обескуражен. Вытерев руки, я взял со стола кастрюлю и подставил под кран.

– Вы, конечно, вправе думать о людях все, что пожелаете. Но я перед вами извинился не потому, что решил раздуть тему своего поступка, а потому что, в самом деле, осознал свою вину. – Я отодвинул стул и присел на самый край. С каждым словом и жестом я все больше превращался в неуклюжего бегемота.

– Вам нравится считать себя виноватым. – Она пожала плечами.

– Может быть, – согласился я.

– Наверно вы таки сильно стукнулись, – заметила она и вновь торопливо взглянула в окно.

– Угу... – сказал я.

Наш словесный поединок подходил к концу; судя по всему, он был несколько не интересен Мире. В ее движениях появилась резкость, а в голосе уже звучала тревога, вызванная теми изменениями, что происходили за окном.

– Ладно, давайте завершим этот странный разговор, – сказала она, внезапно заторопившись. – Или о чем вы там хотели еще сказать?

Я посмотрел в ее удивительные глаза и попробовал пойти ва-банк.

– У меня был дурацкий день, – сказал я. – Кажется, я не

сумел вовремя разглядеть, что рядом со мной находится самая прекрасная девушка из тех, что я когда-либо видел. Иначе я бы сразу попытался навязать вам свое общество и постарался бы вас околдовать. И, если бы мы сидели вдвоем, мерзкие типы не посмели к вам привязаться.

Еще на середине этой фразы у нее на лице появилось нетерпеливое выражение.

– Чаю на дорожку? – предложила Мира, пропустив мои потуги мимо ушей.

Я не стал отказываться. Она кивнула.

Мира налила воды из кувшина в стеклянный чайник, поставила на плиту, достала из шкафчика чашки, заварку и сахар. Я подавлено следил за ее движениями. Мне не хотелось больше говорить.

– Посидите тут, – сказала девушка.

Она вышла. Я задумчиво уставился на чайник. Ладно уж, выпью чаю и буду отправляться. Все равно нет ни единого шанса остаться здесь на ночлег.

Из прихожей донеслось шуршание. Я выглянул: Мира чистила мое пальто.

– Удивительное нагромождение неприятностей, – сказала она как ни в чем не бывало. – Скажите, Ростислав, как такое может быть: Москва без света и воды?

– Даже не знаю... – оживился я. – Допустим, самолет где-нибудь упал. Или пожар случился. Повредились сети. Что-то пришлось временно отключить. Или другой вариант. – Я

понизил голос, и Мира посмотрела на меня внимательно. – Предположим, начинается конец света.

– У меня встреча с подругой сорвалась. – Мира нахмурила брови. – Она в метро застряла. Что-то не то. А еще брат на ночном дежурстве. Я до него тоже не смогла дозвониться. Слушайте, и тот голос по радио... А вы? – Она с подозрением посмотрела мне в глаза. – Где ваша семья?

– Нет семьи.

– Ясно. А живете где?

Я назвал свой бывший адрес.

Должно быть, она стала прикидывать расстояние от моего дома до кафе, где мы встретились. Я добавил:

– Люблю, знаете ли, погулять по ночным улочкам.

– Так вы еще и гуляка. – Мира и задумалась. Потом она покачала головой и сказала: – Послушайте, Ростислав. Надо как-то разобраться с этой странной ситуацией. Когда мы сюда шли, я не видела машин. Прекратилось движение. Заметили?

– Заметил.

– И что думаете?

– Не иначе, проспекты перекрыли. Может, ведутся срочные ремонтные работы. Давайте постучим к соседям. Может, у них телефонная связь сохранилась. Если другой оператор...

– Пожалуй... Только вот что. Тут соседи не очень-то вежливые. Лучше оставим их на самый крайний случай. Давай-

те, вы сходите на улицу, а?

– Как скажете. – Я ощутил прилив энтузиазма. – Я схожу на улицу, попробую узнать, что происходит, а затем вернусь обратно и все расскажу.

– Идет, – кивнула Мира. – А как вы себя чувствуете?

– Все в порядке. Давайте пальто.

– Оно мокрое.

– Ничего. – Я махнул рукой. – На мне высохнет.

– Центрифуга! – вспомнила Мира. Отложив щетку, она потащила пальто в ванную.

– Говорю же вам, не получится. – Я шагнул навстречу. – Вся бытовая техника приспособлена под переменное напряжение.

Она пожала плечами и протянула пальто. Я начал его натягивать. Какое же оно мокрое и противное...

На кухне раздался свист.

– Пойдите, – остановила Мира. – Мы с вами, кажется, чай собирались пить. Может, сперва согреетесь?

– Э... ну, давайте! – я махнул рукой. – Попью – и пойду.

Мира вновь направилась на кухню.

– Две ложечки! – крикнул я вслед.

Повесив пальто обратно на плечики, я на всякий случай заглянул в ванную. Вода едва капала. Я по-хозяйски окинул взглядом комнатушку, выложенную фиолетовым кафелем. И вдруг внутри похолодело. Да что же это со всеми нами происходит?!

Мира наполнила чашки, взяла одну из них в руки и вернулась к окну.

– Извините, больше предложить нечего. У нас не часто готовят.

– Да не беспокойтесь об этом.

Я глотнул чаю и вспомнил о нетронutom ризотто. А потом опять о стремительных движениях Миры во время той драки.

– Скажите, – наконец не выдержал я. – Как это вам удалось за несколько секунд уложить четверых здоровенных парней?

– Тренировки, – бросила Мира, всматриваясь в темноту. – Занимаюсь триатлоном и немного восточными единоборствами.

Ух ты... Я с уважением покосился на ее плечи и бедра, пытаясь их оценить по-новому. Не было в них той объемности и грубости, которая встречается у женщин-атлетов.

Я ждал, что она продолжит, но Мира больше ничего не сказала.

– И все же забавно, – произнесла она после паузы, словно прочитав мои мысли. – Я о том, что вы за меня заступились... Может, и правда, есть какая-то другая причина? Одно дело, сидели бы вы в компании таких же лоботрясов, и другое дело – один.

Я почувствовал, что краснею. Ну что ж, сам напросился.

– Вы где-нибудь работаете? – спросила она.

– Стою на бирже.

– А-а...

– Там, где раньше работал, были проблемы с руководством.

– И чем занимались, если не секрет?

– Я исследовал время.

– Вы исследовали время? – Она посмотрела с любопытством.

– Занимался физикой времени.

– Вы – ученый?

– Собственно, да.

За окном послышался шум и голоса.

– Скорее выключите свет, – попросила Мира и, поставив чашку на подоконник, прислонилась лбом к стеклу. Я выполнил ее просьбу, встал рядом. Наши плечи соприкоснулись.

Тучи на небе немного рассеялись, и луна освещала задний двор. Несколько человек пытались сесть в автомобиль, который, похоже, был уже полон.

– Сбегаю к ним! – сказал я и бросился в коридор. – Должно быть, они знают, что происходит.

Я кое-как обул ботинки, потянулся за пальто, но Мира быстро подала мне куртку.

– Возьмите. Это – моего брата.

Я кивнул, открыл дверь и, натягивая куртку на ходу, побежал вниз.

На лестнице было совершенно темно. Мне сразу пришлось замедлить движение и схватиться за перила.

Я услышал, как во дворе завелась машина. Кто-то неразборчиво крикнул. Хлопнула дверь.

Прибавив скорости, я тут же поскользнулся и чуть не упал. Ступени были высокие, узкие, да еще с закругленными краями. Опускаться по ним, к тому же подшофе, намного труднее, чем подниматься вверх.

Надо было хоть фонарик у Миры попросить, подумал я.

С трудом добравшись до третьего этажа, я на секунду остановился и прислушался: может, соседи шумят в одной из квартир? Но на площадке стояла абсолютная тишина.

И вдруг я почувствовал...

Чем-то веяло от стены. Как холодом. Или тоской. Нет, это было что-то незнакомое, какая-то жуткая потусторонняя стынь, словно бездна космоса внезапно распахнулась в двух шагах от меня.

Раздался шорох, словно на ступени посыпался мелкий песок.

Я пригляделся. В глазах плыло, а очки лежали в кармане, и не было времени их доставать. Мне почудилось, что по серой штукатуреной стене движется большое светлое пятно.

Я осторожно протянул руку, собираясь прикоснуться к штукатурке.

Был ли это плод моего воображения – неизвестно, но мне показалось, что пятно сперва замерло, а затем стало проваливаться, образуя воронку. Внезапно меня охватила слабость, а следом какая-то странная благоговейная тоска, и я

увидел, что пальцы мои начинают удлиняться.

– Боже... – прошептал я.

В эту самую минуту внизу заревел мотор автомобиля, и я, отдернув руку, бросился бежать. Ноги были как ватные, но я достиг первого этажа, ни разу не поскользнувшись.

В вестибюле я с трудом нахожу дверь, ведущую на задний двор. Когда выскакиваю из дома, оказывается, что машины уже нет. Вот досада!

Поодаль стоит джип и еще какая-то легковушка, оба автомобиля пусты.

Дождя уже нет. Выйдя на середину двора, оглядываюсь. На пятом этаже одиноко светящееся окно с силуэтом Миры. Все остальные окна дома темны. Машу рукой, но она вряд ли меня видит: небо снова затянуто тучами, и дворик скрывается во мраке.

Уныние сковывает сердце. Не слышно ни звуков транспорта, ни дальних голосов – над домами глубокое безмолвие.

Я пересекаю двор и подхожу к соседнему дому.

Во дворе стоит несколько машин, но людей не видно. Идя мимо этого дома, с надеждой вглядываюсь в окна: может хоть где-нибудь мелькнет отблеск свечи. Но длинный шестиэтажный барак мертв.

Нельзя возвращаться, не узнав, что происходит. Обойдя дом, направляюсь к переулку Пречистенки, мимо которого мы шли, а, дойдя до него, поворачиваю налево, к Гоголевскому бульвару.

На стороне, противоположной дому Миры, стоит несколько двухэтажных зданий, по-видимому, нежилых. Выхожу на тротуар и неожиданно в одном из окон первого этажа замечаю тусклое свечение. Я приближаюсь.

Окно расположено низко. Схватившись за металлическую решетку, я просовываю между прутьями руку и стучу. Прождав минуту или две, стучу вновь.

Различим край стола, стул, две большие коробки... Где-то высоко стоит невидимая свеча. Она мерцает, и тень, отбрасываемая предметами, то и дело подрагивает.

Проходит минут десять. Я колочу в окно, зову неведомого обитателя здания, трясущую решетку, но никто не идет на мой зов. И вдруг свеча гаснет. И снова веет холодом – странным, запредельным, пожирающим...

Что-то сверхъестественное, чудовищное слопало свечу и обитателей дома!

Я отпускаю решетку и бросаюсь бежать.

Несколько секунд я бегу, ничего не видя, затем решаю двигаться к жилым шестиэтажкам, стоящим на этой же стороне, но вдруг – интуитивно – кидаю взгляд на дом Миры. О, черт! Все окна в доме черны.

Выбегаю на середину Пречистенки и во весь голос кричу:
– Мира!

Эхо разносится над домами и затихает.

– Мира!.. – снова ору я.

Но балконная дверь не издает скрипа, не происходит ни-

какого движения в окне на пятом этаже. Я застываю один посреди немой, померкшей Москвы, в которой кишат невидимые пятна, пожирающие реальность.

Отчаяние вспыхивает внутри. Рушится стена, отделявшая разум от очевидного факта, который я до сих пор не мог принять.

Произошла катастрофа, и неведомая стихия поглотила людей.

Как быстро и беззвучно все произошло!

А может, я погиб в той драке, и теперь моя душа обречена скитаться по пустым улицам моего подсознания до тех пор, пока оно не растворится в небытии?

– Мира!

Я устремляюсь к дому, и по всей улице слышно мое тяжелое перепуганное дыхание, похожее на стоны умирающего.

Споткнувшись, распластываюсь на асфальте, тут же вскакиваю, не обращая внимания на немоту в коленях, бросаюсь к центральному входу.

Дверь заперта!

Кидаюсь в обход, запинаясь о бетонный цветочный горшок, падаю на металлический заборчик, ударяюсь грудью, взываю от боли, вскакиваю и, задыхаясь, несусь мимо мертвых окон.

Не помня себя, я заворачиваю во двор, мчусь мимо машин, забегаю в подъезд и, перепрыгивая в темноте через несколько ступеней, спешу наверх.

Я поскользываюсь и сбиваю себе голени, путаюсь в этажах и стучу во все двери, что попадаются мне на пути и, наконец, чуть не сшибаю с ног Миру, которая ждет меня на лестничной площадке.

Некоторое время я не мог говорить. Меня трясло. Я стоял на площадке рядом с девушкой, держа ее за плечи, и тяжело дыша.

Приходя в себя, я соображал, как рассказать Мире об исчезновении людей и не знал, с чего начать.

– Почему свет выключен? – наконец спросил я.

– Мешал смотреть в окно, – сказала Мира.

– Хоть бы в коридоре оставила!.. – рассердился я. – Я-то подумал, что тебя тоже пятна съели.

– Что? – Мира с некоторым раздражением отстранилась. – Какие пятна?

– Невидимые, – сказал я.

Девушка молчала с минуту, затем сказала:

– Зайдите.

Она вошла в прихожую, включила свет и, развернувшись, уставилась на меня.

– Что еще за пятна?

– А бог его знает... – сказал я, щурясь от света. – Какая-то аномалия... Может, новое оружие массового уничтожения... Американцы или арабы... У меня пока нет объяснений. Все произошло незаметно. Не знаю, успели ли уехать те люди, что садились в машину... Я никого не встретил. По-

нимаешь? – вообще никого. Мы здесь одни.

Я закрыл за собой дверь.

– Мы одни, – повторил я. – Если не считать ледяных пятен... Природа обезумела. Эти проклятые пятна вылезли словно из-под земли, они поглотили все живое и светящееся, а еще все линии электропередач и водоснабжения... Рядом с ними находиться невозможно, они воздействуют на психику, становится страшно, хочется бежать... Послушай, у тебя есть что-нибудь выпить?

Она словно не слышала вопроса.

– Вы больны?

– Успокойся, Мира...

Я начал разуваться.

– Нет! – крикнула она, хватая с вешалки мое пальто. –

Отдайте куртку и немедленно уходите.

– Перестань... – Я попытался выдавить улыбку. – Куда же мне идти? Там ведь... никого нет.

– Снимите куртку и забирайте свое пальто! – Вид у Миры был решительный. – Вы видели, как я умею драться! Выполняйте!

Я выпрямился и застыл ошарашено.

– Мира...

Она шагнула навстречу. Ее прекрасные глаза стали еще темней. Брови сошлись над переносицей. Вот сейчас возьмет и покажет мне один из своих приемов. Как же это все нелепо выглядит в настоящей ситуации!

Ну и черт с тобой.

Я расстегнул молнию, снял куртку, отбросил в сторону...

В этот самый момент в дверь постучали. Не просто постучали – забарабанили изо всех сил, так, что оба мы вздрогнули.

– Мира! Ромка! Открывайте!.. Или я сейчас с ума сойду!..

Я потянулся к двери, но Мира с неженской силой перехватила руку.

– Не открывайте!

Я был не согласен. Кто бы это ни был – он человек, такой же, как мы. Он спасся, и мы должны его впустить.

– Кто там? – спросил я, вырываясь. За дверью молчали. Я повернулся к Мире. – Муж?

– Нет! – По ее лицу пробежала тень.

– Значит, друг?

Ужас на ее лице сменился холодным выражением.

– Это мой бывший муж, – сказала она.

Мира на минуту задумалась и вдруг резко оттолкнула меня от двери.

– Все. Разувайтесь. Позже уйдете.

Стук в дверь повторился.

– Эй, вы!.. Скорей!.. Я же сейчас умру от всего этого!..

Мира подозрительно на меня посмотрела. Я развел руками.

– Если не верите мне, мужу своему поверьте. Пусть даже и бывшему.

Мира вспыхнула, с яростью отшвырнула мое пальто, подошла к двери вплотную и крикнула:

– Эй! От чего ты там сдыхать собрался?!

За дверью послышался вой, перешедший в сдавленные рыдания.

– Мирочка... Прошу тебя... Это просто кошмарный сон... Я все видел! Слышишь? Все исчезли! Машины растаяли! Моя машина тоже растаяла! Понимаешь? Открывай же! Открывай! Открыва-а-ай!!!

Невидимый гость опять забарабанил в дверь, теперь он уже не останавливался, бил изо всей силы и охрипшим голосом непрерывно кричал: «Открывай!».

– Тьфу ты, бред какой-то, – буркнула Мира и посмотрела на меня растерянно.

– Впусти его, – попросил я. – Пожалуйста.

Девушка минуту поколебалась, затем сказала, пожав плечами:

– Если что, пеняйте на себя.

Она быстро повернула защелку, и дверь тут же распахнулась.

В прихожую, чуть не сбив нас обоих с ног, ввалился громила, каких я еще в жизни не видел. Он захлопнул за собой дверь и, глядя на нас с выражением крайнего ужаса, простонал:

– Что ж это такое?!

Великан был непропорциональным: никаких признаков

шей, на огромные плечи посажена приплюснутая лысая голова, кожа на лбу собрана в толстые складки, глаза маленькие, раскосые, – они непрерывно бегали от Миры ко мне и обратно. По щекам его текли слезы.

– Что ж это такое? – Он сделал шаг в мою сторону. Меня поразил его плащ: чуть ли не до пола. – Все умерли!

Великан протянул ко мне руку, и я непроизвольно сжался, увидев внезапный испуг на лице Миры. Но гость сказал:

– Я – Федор. Как хорошо, что вы не умерли! Я ведь думал, и здесь никого уже нет.

– Ростислав. – Я пожал ему руку.

Громила быстро повернулся к Мире.

– Спиртное есть?

Девушка стояла с растерянным видом.

– Кажется, – прошептала она. – А у меня же Рома... на работе...

– На работе... – глухо повторил Федор.

Он, не разуваясь, пошел на кухню.

– Всё, понимаете, как бы выцветает... – слышалось оттуда. – Или растворяется. Сперва это хорошо было видно. Потом темно уже стало... Ни фонарей, ни светофоров, и вообще ни хрена не разобрать.

Загремела посуда.

Я последовал за Мирой. Войдя на кухню, мы увидели Федора. Он стоял на коленях перед холодильником и, выдвинув лоток, вытаскивал бутылку водки.

– Н-не знаю... куда нам теперь-то... – пробормотал он.

– Что ты видел? – спросила Мира.

– Я в «Галеру» ехал, пожрать... Потом... потом свет стал к черту гаснуть, а машины... они как бы таяли... ну, как в компьютерной игре, что ли... – Он раскупорил бутылку и тут же к ней приложился, сделал несколько больших глотков.

– Дальше что? – спросила Мира, закрывая холодильник.

– В пробку въехал, – продолжил Федор. – Смотрю, что-то творится. А потом все вдруг как ломонут. Я тоже из машины выскочил... И тут мой «Волво» – хлоп!.. Темно, ни хрена не видно. Понял, что к тебе самая короткая дорога. Бегу, а вокруг все как-то тише и тише... понимаешь? Вижу, в начале улицы канава... огромная такая, точно экскаватор выкопал – от края до края. В ней троллейбус... Я по нему и перебрался. А на улице – ни души.

Я наблюдал за Мирой. Взгляд ее становился холодным и твердым.

– Конец Пречистенке, – сказал Федор. – А ведь на ней Пушкин жил...

Он заскрипел зубами.

Мира шагнула к нему, отобрала бутылку, поставила на стол, затем достала из шкафчика три рюмки, и сама их наполнила. Подняла одну и сказала:

– Мне надо найти брата.

Одним махом опрокинув рюмку в рот, она подошла к окну.

– Я иду прямо сейчас, – сказала Мира.

– Куда?! – спросил я.

– В Дом Ученых. Там – Рома.

Она вышла из кухни.

Мы с Федором переглянулись. В маленьких его глазках была тоска.

– Никуда не пойду, – сказал он.

Я с ним был согласен.

– Угу... я тоже там был...

– Кто вы такой? – меланхолично спросил он.

– Так... – Я махнул рукой. – Проходимец.

Федор покивал, – голова без шеи подвигалась на шарнире, скрытом где-то между плеч. Отчего-то в этой страшной ситуации моя наблюдательность особенно явственно подчеркивала физические уродства моего нового знакомого.

– В другой раз я бы вас выкинул, – задумчиво сказал он и вздохнул. – Не знаю, есть ли где-нибудь еще живые люди.

– Кажется, Мира собирается идти на поиски брата, – заметил я. – Ее ведь нельзя туда отпускать одну.

– Шишига умер, – тихо, но уверенно сказал Федор. – Там вообще нет никого живого. Я шел по крыше троллейбуса, внутри никого не было, точно знаю. Как в склепе. Вся Москва – кладбище. Только и трупов нет. Темно.

Вошла Мира, открыла шкаф, стала что-то искать.

– Надо быть внимательным, – сказал я. – Есть способ почувствовать их близость.

– Чью? – спросила Мира, не поворачиваясь.

– Аномальных пятен. Я пытался к одному из них прикоснуться. От них веет чем-то. Холодом.

– Веет, – согласился Федор. – Я тоже что-то такое чувствовал... И в машине, и на троллейбусе, и здесь, на лестничной площадке...

– Мира! – я постарался, чтобы голос звучал решительно. – Мы не должны никуда ходить. По крайней мере, до утра.

– Нет, должны! – отрезала девушка. – Утром будет бесполезно.

– Нет! – возразил я. – Все основное уже случилось. Если твой брат жив... если с ним все в порядке, то у него, как и у нас, есть шансы протянуть до утра. Когда развиднеется, нам легче будет его отыскать, не попав при этом в ловушку. Который час, кстати?

– У Шишиги тяжелая форма аллергии на свет, – объяснил Федор. – Я зову его ночным мальчиком.

Мира с силой хлопнула дверцей.

Федор налил еще по одной и, ни слова не говоря, выпил.

Я подошел к Мире и попытался отобрать у нее сумку, но она толкнула меня ладонью в грудь, так резко и сильно, что я потерял равновесие и едва не упал.

– Вы меня не останавливайте, – сдержанно сказала девушка. – Я иду искать брата. Даже, если шанс, что он выжил, один из миллиона.

Она прошла мимо, а я приблизился к окну. Где-то вдале-

ке светилось несколько одиноких огоньков, скорей всего работали такие же аккумуляторы, как и в квартире Миры.

– Сколько же времени? – опять спросил я.

Никто не ответил, и пришлось идти в залу: там висели настенные часы.

Зайдя в залу, я сунул руку в карман за очками и стал осторожно выгребать осколки, собрал их и положил на край комода. Я даже не расстроился. Это всего лишь мелкая неприятность.

Часы показывали половину первого.

Я вернулся в прихожую. Мира сидела в кресле и зашнуровывала ботинки.

– Я с тобой, – неожиданно сказал я.

Страх владел сознанием, и мне было не все равно, рядом с кем бояться. Аномалия распространялась, поглощая все на своем пути, и здесь, на пятом этаже мертвого, кишачевого смертоносными пятнами, дома, мы не были защищены. Мира не позволяла себе предаваться панике, и, похоже, это свойство ее характера сейчас было и моим убежищем.

– Сама справлюсь, – холодно сказала она.

Я сделал вид, что не расслышал.

– Идемте, Федор! – крикнул я.

– Нет, – отозвался тот. – Лучше умереть в доме...

Я подумал, что, возможно, говорю с этим человеком в последний раз, и высунулся в коридор, чтобы взглянуть на него.

Громила сидел, склонившись над рюмками. Брови его выпятились и нависли над переносицей, как у гориллы.

– Прислушайтесь, – сказал я. – Если станет холодно, советую бежать.

Федор ничего не ответил.

– Можно, я эту куртку надену? – спросил я.

Мира чуть заметно кивнула.

– Возьми фонарик, – сказал я.

– Фонарик, аптечка, монтировка... – Мира говорила сама с собой, похлопала по сумке. – Все, что может понадобиться.

– Давай, понесу, – сказал я.

– Несите. – Девушка без колебаний отдала мне сумку и отвернулась. Она не стала рассыпаться в благодарностях за то, что я решил пойти с ней, и я не почувствовал, что ее отношение ко мне хоть чуть-чуть потеплело, но ее недостижимая красота заставила меня не обращать на это внимание.

– Осторожно, – предупредил я, когда Мира повернула за щелку.

Дверь приоткрылась, и в лицо нам зловеще глянула темнота.

Мира щелкнула фонариком и шагнула вперед. Я выключил в прихожей свет и двинулся за ней.

Сразу бросились в глаза перемены, происшедшие на лестнице.

Здание состарилось и покосилось. Вся западная стена была покрыта желтоватыми разводами. Казалось, что течет

крыша, и стену многократно заливало водой. В одном месте, рядом с окном, зияла дыра размером с колесо легкового автомобиля. Отсутствовала часть перил, и даже в самой лестнице были прорехи.

– Держись как можно ближе к стене, – сказал я. – Но только ни в коем случае не прикасайся.

Мира молча кивнула и стала спускаться.

2

Исследования физики времени, которыми занималась моя группа, неопровержимо указывали на существование закономерности в отношениях между временем, пространством и еще двумя слагаемыми мира: мы называли их нигилом или точкой, и пси-фактором или эфиром.

Эйнштейновский наблюдатель за инерциальными лабораториями в наших исследованиях был заменен реальным живым человеком, а точки, составляющие отрезки времени и пространства, – реальными точками, то есть отрицательными бесконечностями.

Еще не подготовив достаточной базы, мы занялись созданием хроновизора – аппарата, позволяющего видеть время в виде отрезков и измерять скорость причинно-следственных явлений.

Как ни популистски звучали используемые нами термины, теория работала.

Теория работала, не имея еще сил подняться на ноги. Для того чтобы подтвердить теорию на практике, нужны были деньги.

В минувшем ноябре, когда начал верстаться бюджет на будущий год, Факторович, мой бывший шеф, попросил меня обосновать, зачем моей лаборатории необходима такая огромная сумма, которую я указал в своей служебке. Я обос-

новал. Сперва устно, затем письменно – все как положено. Но это не помогло.

Я начал хитрить и подстраивать кое-какие затраты, касающиеся создания хроновизора под другие статьи бюджета. Этого было мало, а азарт и искушение сделать великое открытие и подтвердить тем самым собственную гипотезу были настолько сильны, что я решил недостающую сумму одолжить.

Я связался со своим старым знакомым Саливаном, злоупотребил его добрым отношением ко мне и взял деньги под символический процент, но на строго оговоренный срок.

Совершив этот неосторожный шаг, я погрузился в работу, совсем позабыв о тех подводных камнях, которые сам разбросал в силу своего холерического характера.

Витька Андреев, мой старый студенческий приятель, которого я отказался принять в группу, но с которым постоянно сотрудничал по разным вопросам, написал основательную докладную записку о моих махинациях с бюджетом, и на следующий день исследования были прекращены.

Высшее руководство заявило, что я вообще не смыслю, в чем разница между физикой и философией, причем то, чем я занимаюсь, философией тоже можно назвать весьма и весьма условно.

Поскольку денег я не прикарманил, и все происходило в общем-то с согласия администрации, решили ограничиться строгим выговором.

И тогда я взорвался. Я сказал шефу своего шефа, что Время извечно было соперником Человека, и немногим было дано почувствовать его истинную суть. Страх перед Временем заложен глубоко в подсознании. И, когда появляется кто-нибудь, имеющий смелость обратиться ко Времени на ты и понять его тайну, всегда находятся другие, стоящие у власти, марионетки Времени, чей разум припорошен пылью прошлого. Они и разворачивают историю вспять.

За эти слова я был уволен. Деньги, взятые в долг, остались вложенными в незавершенное оборудование, которое так и осталось лежать в лаборатории.

Я ушел в загул, затянул с возвратом долга Саливану, о чем он мне напомнил сам, включив счетчик. Каждый час стоил мне тысячу рублей. Время стало моим врагом.

Я продал свою однокомнатную квартиру в доме номер шесть на улице Серпуховский вал и полностью рассчитался с Саливаном.

Если бы я больше знал о времени и умел заглядывать в будущее, разве стал бы я переживать о том, что теперь совершенно утратило всякую ценность?

Выйдя на улицу, мы повернули к Гоголевскому бульвару. Посмотрев по сторонам, Мира сказала:

– Господи! Что это? Как нейтронная бомба взорвалась. Дома стоят, а людей не видно.

Я тяжело вздохнул, и некоторое время мы шли молча. Потом я спросил:

– Чем занимается брат в Центральном Доме Ученых?

– Он электрик.

– Сколько ему лет?

– Девятнадцать. Он три месяца на этом месте. Устроился по квоте для инвалидов.

Я бывал в Доме Ученых, однажды мне довелось даже пообедать в тамошней столовой, бывшей когда-то зимним садом. Прекрасное старинное здание. Искусная лепнина, живопись, мрамор, скульптуры, стеклянный потолок... Я слышал, что в этом здании когда-то находилась балетная студия Айседоры Дункан.

Неплохая, наверное, работа – быть ночным электриком, полномочным хозяином целого дворца.

Я представил себе, как выглядят просторные залы в электрическом освещении ночью, когда внутри здания никого нет. Только – о, Господи! – неужели и на него посягнули ненасытные пятна?

Мира шла быстро, я едва за ней поспевал.

– Давно парень страдает аллергией? – спросил я.

– Два года. С тех пор, как школу окончил.

– Редкое заболевание. Я о таком слышал.

Мне хотелось подбодрить Миру. Я взял ее за руку, но она тут же выдернула.

– Почему так? – спросила она. – Ведь должен же здесь кто-нибудь быть живым. Не верю, что со всей улицы кроме нас никто не спасся.

Мы подошли к шестиэтажному зданию. Даже на фоне пасмурного ночного неба было видно, что контуры его изменены, словно кто-то обглодал стены и крыши.

– Дальше, за банком, круглосуточный гастроном, – сказала Мира. – Может быть, там кто-то еще есть. Из продавцов...

Но когда мы дошли до закругленного угла, то обнаружили запертую дверь.

– Они могли закрыть магазин, когда отключился свет, – предположил я. – И уйти домой. Если успели.

– Смотрите! – воскликнула Мира.

Впереди виднелся просвет между домами.

– Там ресторан, – сказала девушка. – Только он сейчас выглядит совершенно иначе.

Мы подошли ближе. Здесь чувствовался запах пыли. Невероятно. Весь вечер шел дождь.

Пройдя мимо двухэтажного дома, мы увидели колоннаду. Она поддерживала античный фронтон и напоминала развалины Парфенона. Самого здания не было. Мира не сказала ни слова. Только ускорила шаг.

Я посмотрел в другую сторону. Ряд покореженных четырехэтажных домов, дальше какой-то пустырь. Похоже на стройку.

Только откуда тут взялась стройка?

Нет же! Прежде здесь было красивое административное здание с белыми колоннами.

Я помнил этот дом. Теперь он лежал в руинах. Лишь уг-

ловой фрагмент стены высотой метра в четыре продолжал стоять, указывая на мрачное небо.

Судя по тому, что пыль еще кружилась в воздухе, обвал произошел совсем недавно, но никакого шума мы не слышали, словно не тяжелые плиты упали на землю, а кучи песка.

– Посвети-ка.

Я подошел ближе и убедился в том, что нигде нет крупных обломков – лишь груды рыхлой массы. Это все, что осталось от дома, который простоял на этом месте, может быть, две сотни лет.

В моем воображении возникли картины рушащейся Спасской башни, Покровского собора, колокольни Ивана Великого...

И снова повеяло холодом: он почувствовался у самых ног, прокрался под штанины, побежал вверх по голениям.

Я отскочил в сторону. И вовремя. Асфальт на том месте, где я стоял, начал проваливаться с тихим шуршанием под землю.

Я подбежал к Мире.

– Ты видела это?

– Да... – отрешенно сказала она. – Тут была пожарка... и... и управление по чрезвычайным ситуациям.

Я посмотрел по сторонам и понял, что мы почти пришли. Вон виднеется здание института физико-технических проблем, где я неоднократно бывал. Дом Ученых как раз напротив. Я напряг зрение, но было темно. Хорошо было бы иметь

при себе пару устройств для ночного видения из тех, что остались в бывшей моей лаборатории.

– Значит, вы физик, – сказала Мира.

– Верно, – кивнул я. – Если хочешь, можешь говорить мне ты.

– Бывал в том здании, куда мы идем?

– Приходилось.

– Там ворота железные. Рома говорил, их на ночь запирают.

– Похоже, тебя это не остановит. Перемахнешь за секунду.

– Я не о себе. Не обижайся, но ты выглядишь не слишком спортивно.

– Угу, – кивнул я, обидевшись. – В последние месяцы как-то не хватало времени заняться физической подготовкой. А ты, видно, часто тренировалась.

– В прошлом году стала чемпионкой Европы по триатлону.

Я присвистнул.

– Здорово. Сколько лет тренируешься?

– С третьего класса. Ежедневно. Возможно, сегодня в семь утра будет первый раз, когда не выйду на пробежку.

Я представил, как буду сейчас выглядеть, если повисну где-нибудь на металлических прутьях ворот.

– Занимаешься этим с утра до вечера?

– Нет. Я учусь в МГУ. Факультет биологии, четвертый курс.

– Ого! А где же рукопашному бою научилась?

– Вместе с бывшим мужем ходила на тренировки... Смотри: свет!

Что это? Дом Ученых? Неяркое свечение излучали окна полукруглого холла: они виднелись сквозь прорези в каменном заборе.

Мы побежали. Мира выхватила у меня из рук сумку.

Ворота оказались удобными для лазанья. Покровительница науки Афина, вернее, ее чугунный оттиск, который когда-то называли стражем ворот, послужила удобной ступенькой.

Я перелез первым, поймал сумку, взял фонарик и, едва успел отскочить, как на место, где я только что стоял, приземлилась Мира.

Мы добежали до центрального входа и принялись барабанить в стеклянные двери.

Изнутри послышался раздраженный стариковский голос:

– Менты в соседнем здании!

– Откройте, пожалуйста! – закричала Мира. – Нужен Рома!

– Рома нам самим нужен! – ответил голос. – Если бы не Рома, сидели бы в темноте.

За стеклом появилось морщинистое лицо сторожа.

– Это ж додуматься надо до такого – в самом центре Москвы свет вырубать среди ночи! Хорошо, у нас тут полная автономия, предусмотрено все. Научная элита, как ни как от-

дыхает тут. А ты кто такая будешь, по какому праву через заборы шастаешь? О, да у нас здесь целая шайка!

– Я сестра Романа, – сказала Мира. – Мне надо срочно его увидеть.

На лице старика появилось подозрительное выражение.

– А чем докажешь, что ты его сестра?

– Сумку! – крикнула Мира.

Я приподнял сумку, Мира быстро расстегнула молнию, порылась внутри и извлекла монтировку.

– Свети на замок! – сказала она.

Я сделал шаг в сторону и направил луч света туда, куда она сказала. Девушка вставила монтировку в щель и начала ломать дверь.

– Ух, ты ж лярва! – закричал дед, видимо, забыв о причастности к месту, где отдыхает научная элита. – Давай-давай! Сейчас сигнализация включится!

Сторож отскочил назад, куда-то пропал и через несколько мгновений появился вновь с маленьким топориком в руках.

Мира ударила по стеклу, и оно со звоном разбилось.

– Рома! – крикнула она.

– Я тебе сейчас дам Рому! – Старик двумя руками сжал топорик и выставил его перед собой. – А ну, назад!

– Успокойтесь, пожалуйста, – вмешался я. – Если с Романом все в порядке, пусть к дверям подойдет. Иначе девушка не уймется.

– Где он?! – завопила Мира и стала вколачивать острый

край монтировки в щель между дверями.

– Остановись! – попросил я. – Попытаемся с ним договориться.

– Нет времени. Что, если дальняя часть дома уже разрушена? – Мира нажала, и от двери отлетела толстая щепка.

– Роман перебрался бы сюда, – сказал я.

– Он ни о чем не подозревает... Ты что, не заметил? – эта мерзость распространяется беззвучно!

Раздался металлический треск, дверь тяжело отошла назад.

Старик растерянно заморгал.

– Не пущу!

Он отступил назад, продолжая держать перед собой топорик.

– Рома! – закричали мы с Мирой в один голос. – Рома!!!

В этот момент сторож совсем обезумел от страха и начал замахиваться топором.

Мира отшвырнула монтировку и, подскочив к старику, легко опрокинула его на спину. Топор остался у нее в руках.

Я подбежал к сторожу, чтобы помочь ему подняться, но он стал брыкаться.

– Оставь его! – бросила Мира.

Повернувшись к старику, я сказал:

– В городе происходит катаклизм. Мы не знаем его масштабы. На Пречистенке, кроме нас, нет ни одного живого человека. Если не верите, сходите сами посмотрите. Только

имейте в виду: это чрезвычайно опасно.

Кажется, он мне поверил. Но я не стал больше задерживаться, и, перекинув ремень сумки через голову, бросился за Мирой.

Мы нашли Романа в банкетном зале. Он стоял на лестнице, ковыряясь в небольшой нише в стене, и, услышав наши шаги, не поворачивая курчавой головы, спросил:

– Что там за шум, Егорыч?

– Рома, это я! – крикнула Мира. – Слава богу, что мы тебя нашли! Немедленно слезь оттуда.

Роман обернулся. На его смуглом лице засияла добродушная улыбка.

– Здравсьте. – Он поздоровался главным образом со мной, из уважения к незнакомому человеку. – Одну минуту.

Парень аккуратно прикрыл щиток, оставил инструменты на площадке лестницы и начал спускаться.

– Быстрее! Быстрее! – торопила Мира. – Надо срочно уходить.

– Куда? – спросил Рома, подходя к нам и с нескрываемым удивлением рассматривая собственную куртку, надетую на меня.

– Ромочка! – Мира бросилась ему на шею и чуть не свалила с ног. Рома сконфуженно заулыбался, а я испытал легкий укол ревности.

– Уходить надо, – опять сказала Мира.

– Куда уходить-то? – повторил Рома.

– Первым делом домой, – сказала Мира. – Куда дальше – на месте решим. – Она коротко глянула на меня. – Скажите ему, пожалуйста.

– Да, – кивнул я. – Надо срочно покинуть здание. Здесь очень опасно. Хотя и на улице не менее опасно.

Мира взяла со стола ветровку и передала брату.

– Надевай!

Парень ничего не понимал, но вел себя сдержанно и не спешил с расспросами.

– Меня зовут Ростислав, – сказал я, протягивая руку. – Мы случайно познакомились с Мирой.

– Очень приятно, – ответил он. – Роман. Или просто Шишига. Меня все так называют. По имени – только Мира, да еще Егорыч.

В эту минуту вошел сторож, держа в руках все тот же топорик и оброненную монтировку.

– Э-э... – Рома погрозил пальцем. – Не советую этого делать. Моя сестра сильнее любого терминатора. Она чемпионка.

Он с мягкой улыбкой посмотрел на меня, затем на Миру и спросил:

– Так что там у вас случилось?

– Стучилось то, – сказал я, – что дома превратились в труху, люди исчезли, и по городу расползаются агрессивные пятна, несущие смерть. И мы, люди, уцелевшие после катастрофы, должны объединиться для того, чтобы выжить, по-

нять, что произошло и отыскать безопасное место.

Рома-Шишига взглянул на нас, затем на Егорыча. Тот зло ухмыльнулся.

– Значит, мы все скоро умрем? – спросил Шишига. Голос его звучал иронично, но он рассматривал нас с подозрением, потому что у нас вид был вовсе не шуточный.

– Да, – сказал я. – Если не примем меры.

– Так. Решили разыграть, – сказал Шишига. – Забыли, что первое апреля прошло почти неделю назад?

– Разве я тебя когда-нибудь разыгрывала? – Голос у Миры был твердым. – Этот человек – действительно мой случайный знакомый. Он согласился пойти со мной, когда уже почти не было надежды на то, что ты... Послушай, Рома. Там как война прошла... За то время, пока нас нет, наш дом, может быть, тоже стал кучей пыли.

– Никто не знает, где опасней – здесь или на улице, – напомнил я. – Но единственный способ убедиться в том, что мы говорим правду, – выйти из здания.

– Но я на работе! – смутившись, сказал Рома.

– Смотрите! – вскрикнула Мира и указала на потолок.

Все запрокинули головы. Аварийное освещение было неярким, и я включил галогеновый фонарик Миры.

По одному из квадратов стеклянного потолка ползло небольшое тусклое пятно, по форме и размеру напоминающее подошву.

– Что за хрень?... – пробормотал Егорыч.

Неожиданно пятно стало расширяться и за пару секунд увеличилось до размеров надувной лодки.

Пуфффф! – посередине появилась дыра с рваными краями. И все. Движение прекратилось.

Мы переглянулись, и тут послышался знакомый шорох. Прямо под тем местом, где только что образовался разрыв, стал прогибаться мраморный пол. Поверхность плиты утратила блеск, выцвела, стала шершавой.

Егорыч присвистнул, подошел ближе и метнул в середину прогиба топор. Раздался треск, словно прорвался старый картон. Топор провалился в дыру, где-то внизу загремело.

– Назад! – крикнул Шишига.

Я почувствовал, как кренится под ногами плита.

Мира оттолкнула меня от провала, который начал на глазах раздаваться, а Роман едва успел схватить старика за шиворот.

– Берегись! – завопила Мира. Я оглянулся. Прямо на нас по гладкому полу надвигалось несколько столов.

Мы отпрянули в сторону и устремились к выходу.

Столы один за другим проползли мимо и с грохотом ухнули в провал.

Пол заходил волнами.

Я вскочил на основание одной из колонн. Мира и Шишига, находившиеся ближе к выходу, сделали то же самое. Старик поскользнулся и упал на колени. Он попытался подняться, но ноги и руки словно приросли к полу.

– Лед! – испуганно прокричал он.

Я был ближе всех к старику. Не отпуская колонну, я наклонился к нему и протянул руку. Но было поздно. По его телу пробежала бесцветная муть, и в мгновение ока старик словно высох. Еще несколько секунд то, что оставалось от Егорыча, простояло неподвижно на четвереньках и затем, превратившись в пыль, упало на пол.

Я взглянул на Миру. Девушка впиалась глазами в страшную кляксу и не могла сказать ни слова.

– Не наступайте на пол! – крикнул я. – Он заражен! Прыгайте с основания на основание.

Шишига понял меня, и, оттолкнувшись от колонны, перескочил на свободное основание, уступив место Мире.

– Ну же! – крикнул я.

Девушка, наконец, оторвала взгляд от кляксы и прыгнула. Я, не раздумывая, сиганул на ее место и едва не поскользнулся.

– Вперед! – орал я.

Желтоватые тени сновали повсюду.

Это было похоже на световое шоу: пятна вспыхивали то здесь, то там, перемещались без всякой логики, стирая облик с фриз и картин. Со стен с шуршанием осыпалась штукатурка, а белые мраморные колонны утрачивали блеск.

Я почувствовал под руками приближение холода, и тут мной овладела странная тоскливость – точно такая же, как тогда, на лестнице, когда я впервые увидел пятно на стене.

Я завопил:

– Скорее! Колонны тоже заражены!

Лампочки замерцали, вот-вот погаснут.

Шишига, наконец, добрался до выхода, затем прыгнула Мира.

Я вскочил на какой-то постамент и на миг обернулся. Колонны таяли, как сосульки. Последнее, что я увидел – беззвучно падающий купол. В тот же миг погас свет. Прыжок к выходу я сделал уже в темноте, и меня подхватили крепкие руки.

– Дом сейчас рухнет! – крикнул я.

Мы на ощупь рванулись по лестнице, затем через холл – к выходу. Фонарик потерялся в суматохе, и мы ориентировались только благодаря большим окнам холла, но ночь была все так же темна, и по пути мы то и дело сбивали какие-то предметы. А сзади нас преследовало негромкое шуршание, словно где-то далеко разгружали мелкий гравий.

Первым на улицу выскочил Шишига, за ним Мира. Я вновь оглянулся, но ничего не увидел.

Мы добежали до ворот и лишь здесь остановились отдышаться.

Дом Ученых темнел в безмолвии ночи, и ничто не говорило о том, что изнутри он весь наполнен неведомыми монстрами, превращающими его в труху.

Сумка по-прежнему была на мне. Я по ней похлопал.

– Нет ли тут случайно еще одного фонарика?

– Увы, – вздохнула Мира.

– У меня есть, – отозвался Шишига.

Раздался легкий щелчок, и свет поочередно выделил из темноты Миру, затем меня.

– Перелазьте. – Шишига посветил на ворота.

Мы по очереди перебрались на другую сторону, вышли на середину и остановились.

Я вспомнил, как отговаривал Миру идти среди ночи за братом, и мне стало стыдно.

Несколько минут никто ничего не говорил. В конце концов, я не выдержал и предложил:

– Вернемся к Федору? Не знаю, как вы, а я за него волнуюсь.

– Федька приходил, – пояснила Мира. – У него была истерика, и он остался дома.

Шишига развел руками.

– Мне надо время, чтобы прийти в себя, – сказал он. – Поэтому как решите, так и будет.

Мы двинулись в ту сторону, откуда пришли.

– Ужасная смерть, – сказала Мира.

– То, что мы сами спаслись – чистое везение, – сказал я.

Несколько минут мы шли молча.

Шишига заметил разруху на месте бывшего управления ЧС и хотел было подойти, но я его остановил.

– Нельзя. Здесь вся территории может быть заражена.

Он отпрянул назад.

– Значит, это типа инфекции? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Есть что-то биологическое в поведении агрессивных пятен: они быстро двигаются, неожиданно меняют направление. Мира, тебе так не кажется?

– Пока не могу ничего сказать, – отозвалась она. – Все, чего я бы сейчас хотела – добраться до машины, а если ее уже нет, угнать первую попавшуюся. Надо валить подальше от центра.

– Куда? – спросил я с сомнением.

– Да куда угодно. Хоть в Зябликово или Капотню. Там дольше всего горел свет. А если и там уже разруха, то, может, и за пределы Москвы.

В ее голосе вновь зазвучала твердость. Мира готова была взвалить на себя всю ответственность за жизнь брата и свою собственную и, похоже, решила взять и меня под свое крыло. Она здорово умела себя контролировать, однако я чувствовал, что внутри Мира глубоко переживает.

Я посмотрел на небо и вспомнил о тех странных прорехах, которые видел вечером. Лишь теперь пришла мысль, что мне довелось увидеть весьма необычное явление природы. Что это: две аномалии подряд, или есть тут какая-то связь?

Глаза начали привыкать к темноте, но не хватало очков. Я порыскал взглядом по пустым окнам, и на ум пришли стихи.

– Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду, то пусть с Булгариным в потомках меня поставят наряду... Полагаю, при Пушкине здесь по ночам было немного светлее.

– Это правда, – сказала Мира. – Какой-то из этих домов когда-то принадлежал Потемкиным. Тут многие дома были памятниками, и теперь их нет.

Я поглядел на старинное двухэтажное здание, а в следующую секунду добрая его треть сыпучим барханом сползла на землю.

Не сговариваясь, мы ускорили шаг и через пять минут добрались до дома.

– Боже, – сказала Мира.

От ее Г-образного дома осталась только угловая часть.

– Кажется, там свет... – заметил Шишига.

– Да. И я вижу, – сказала Мира.

Я тоже заметил едва различимое свечение. Не иначе, включена лампа в ванной, и дверь оставлена приоткрытой.

– Надо проверить лестницу, – сказал я, упрекая себя в том, что сразу не уговорил Федора пойти с нами. – Если есть какая-то возможность пробраться в квартиру, лучше сделать это сейчас.

Шишига двинулся к двери, но я его остановил.

– Нет, вы с Мирой подождете здесь.

Роману вряд ли хотелось подчиняться «случайному знакомому», но он не стал возражать вслух. Он взглянул на сестру. Мира кивнула. Роман протянул мне фонарик и ключи.

– Это от подъезда, а это от квартиры.

– Я тоже пойду, – сказала Мира.

– Не думаю, что в разговоре с бывшим мужем ты сможешь

быть достаточно убедительной, – возразил я. – Мне будет легче самому найти с ним общий язык.

– Может, попытаемся его позвать? – предложил Шишига.

– Прежде – проверим лестницу, – сказал я.

Открываю дверь, вхожу внутрь, осматриваюсь.

Пол вестибюля усыпан толстым слоем песка. Точно в такой песок превратился сторож Егорыч и стены в Доме Ученых.

Что же это за вещество? Надо бы взять пробу. Я знаю лабораторию, где можно провести анализ, только вот уцелела ли она и живы ли люди, работавшие в ней?

Замираю, превращаюсь в слух, ожидая услышать характерный шорох, но слышу только собственное дыхание.

Прохладно. Однако, это не тот холод, который сопутствует активности пятен. Пробегаю лучом по стенам, иду по вестибюлю. Ноги немного увязают в песке. Свечу вниз, приседаю. Всюду однообразный грунт желтоватого цвета, рыхлый, легкий. Похож на манную крупу, но я не рискую пробовать его на ощупь.

Маленькие червячки, поражающие древесину, – шашель – в течение нескольких лет превращают окна и мебель в труху. Всеядные пятна делают это в считанные минуты с любыми материалами и даже с человеческой плотью.

Встаю, подхожу к лестнице, начинаю осторожно подниматься. Ступеньки кое-где выглядывают из-под песка. Осторожно наступаю на эти места. Полированный бетон. Нет пол-

ной уверенности, но, похоже, лестница не тронута порчей.

Чтобы перебраться через запорошенные участки, необходимо взяться за перила. Натягиваю рукава куртки на кисти рук – получается что-то вроде рукавиц – и, взявшись за перила, поднимаюсь вверх.

Я уже между вторым и третьим этажом. Кое-где лестница потонула в сугробах желтоватого праха. Мне страшно: вдруг я наступлю на песок, а под ногами окажется хрупкий картон? Двигаясь дальше, сначала внимательно изучаю нижнюю поверхность верхних пролетов.

Больше всего повреждены участки между четвертым и пятым этажами. Ногой сметаю песок в дыры, очищаю самые опасные места.

И вот я на площадке пятого этажа.

Достаю из кармана ключи, но дверь оказывается открытой: Федор и не подумал закрыть ее на замок.

– Федор!

Я вхожу в прихожую, щелкаю выключателем.

– Вы здесь, Федор? Это я, Ростислав.

В кухне темно. Свет исходит из комнаты, в которой я еще не был.

Не разуваясь, захожу туда и вижу, как, свернувшись калачиком (сказать: «калачиком» язык не поворачивается), на диване прямо в плаще спит Федор. На тумбочке светится ночник.

– Вставайте! – кричу. Начинаю его трясти.

В ответ раздаётся тоскливое бормотание.

– Федор! Надо идти. Внизу ждут Мира и Рома. Мы найдем машину и уедем! Надо немедленно покинуть дом! Здесь все вот-вот может рухнуть.

– Все растаяло... – бубнит громила. – Лучше дома умереть...

Он не спит и не бодрствует, и я не знаю, как его вывести из этого состояния.

Иду в залу, открываю дверь, выхожу на балкон.

– Мира! Роман! Где вы?

– Внизу! – тут же отзывается Шишига.

– Федор немного не в себе. Надо время, чтобы его расшевелить. Попробуйте пока найти машину. Давайте так: встречаемся внизу через полчаса. Сейчас... – я заглянул в залу, посмотрел на часы, – пятнадцать минут пятого.

– Как лестница? – спросила Мира.

– В аварийном состоянии, но пока держится. Похоже, процесс временно приостановился.

Мира перекинулась о чем-то с братом и крикнула:

– Будь осторожен, Ростик! – И я услышал их удаляющиеся шаги.

Мира беспокоилась о моей безопасности. Гоня прочь от себя эту парализующую новость, я поспешил обратно к Федору. Сейчас не до сантиментов. И все же, несмотря на то, что я был крайне утомлен ходьбой, вином, страхом и огромными порциями постоянно выбрасываемого адреналина, я

не смог подавить теплую волну, разлившуюся внутри.

Я в нерешительности остановился перед Федором. Слишком значительная разница наших весовых категорий не позволяла мне применить первое, что приходило в голову: пнуть его ногой.

Обойдя его со всех сторон, я так и не придумал, что с ним делать. Может, водой его облить? Нет, тоже чревато.

Оставался один выход.

Я направился на кухню.

На столе стояла пустая бутылка и три рюмки, перевернутые вверх доньшками. Я представил себе страдания одиноко упивающегося Федора, зачерпнул из кастрюли воды и напился. Затем открыл холодильник и отыскал в нем еще одну бутылку водки. Зажал между пальцами две рюмки и вернулся в комнату.

– Выпьем? – предложил я, позвеневав у него над ухом.

Федор замычал и стал отворачиваться.

Я раскупорил бутылку, наполнил рюмку и сунул ему под нос.

– Ну! – крикнул я. – На посошок!

Громила на миг приоткрыл глаза и прошептал:

– Москва – кладбище...

Наконец, у меня лопнуло терпение. Я опрокинул рюмку себе в рот, отставил ее в сторону и хлестко ударил Федора по щеке.

Он кашлянул и потерял ушибленное место. И вдруг тихо и

отчетливо произнес:

– Да я тебя пальцем пришибу, червяк.

Он одним махом принял сидячее положение.

– А-а... это снова ты?..

Я не знал, радоваться мне или трепетать. Великан смотрел на меня безразличным взглядом, маленькие глазки его совершенно заплыли, превратившись в щелочки.

Снова наполнив рюмку, я протянул ее Федору.

– Похмелитесь?

– Это конец света, – спокойно сказал он. – Я знаю.

– Еще не все кончено, – возразил я. – Мы ведь живы, и у нас есть шансы на спасение. Надо выбраться в безопасное место и дождаться утра.

– Ты видел, как этот происходило?! – Глаза его подернулись тусклым светом. – Видел массовое уничтожение?

– Нет. Но я был свидетелем последствий. На улице много разрушенных домов, нет людей и транспорта... И одну смерть мне таки довелось увидеть.

– Чью?! – Голос Федора сорвался на визг. – Миры?!

– Старика из Дома Ученых. Сторожа.

– А... Ну и как он умер? Растворился в воздухе?

– Нет. Рассыпался в порошок. Вставайте, Федор. Нам надо уходить.

– Не-а. – Он покачал головой. – Не надо.

Мне стало страшно. Время идет, дом продолжает подтачивать проклятая порча, а я вместо того, чтобы искать путь

к спасению, занимаюсь тем, что уговариваю этого придурковатого великана покинуть рушащееся здание.

– Ладно! – неожиданно сказал Федор.

Он отмахнулся от предложенной рюмки, встал и, шатаясь, направился в коридор.

Я пошел за ним, но он свернул в соседнюю комнату.

– Надо кое-что поискать. Это ведь моя бывшая квартира.

– У нас мало времени! – в отчаянии воскликнул я. – Все может рухнуть в любую минуту.

– Надо поискать кое-что, – повторил Федор.

Я вернулся в кухню, достал из холодильника почти пустую пластиковую бутылку минеральной воды, вылил остаток и стал наполнять водой из кастрюли.

– Прихватите какую-нибудь сумку! – крикнул я, но Федор не ответил.

Наполнив бутылку, я немного порыскал по шкафчикам: прихватить какой-нибудь еды. Но, как и говорила Мира, ничего съестного не нашлось. Ах, не очень-то ты – хозяйка.

– Федор! Не могли бы вы сумку найти?

Я направился в прихожую. Куртка, что сейчас на мне, удобна, но я, все-таки, надену свое кашемировое пальто.

В комнате, куда вошел Федор, было тихо.

– Эй! – позвал я. – Вы что, снова уснули? – Я заглянул в дверь, но комната оказалась пуста. Судя по обстановке, это была спальня Миры: кровать, кресло, дамский столик, картина. Федора нигде не было.

Я готов был поклясться, что не слышал его шагов после того, как он сюда вошел.

Сердце бешено заколотилось. Окинув взглядом комнату, я на миг затаил дыхание, но – ни пятен на стенах, ни характерных шорохов.

Пройдя по комнате, заглянул во все углы и даже под кровать. Здесь нет места, чтобы притаиться такому здоровяку.

За несколько секунд я оббежал всю квартиру, заглянул в ванную и туалет, и, на всякий случай, на балкон – никаких следов, словно громилы и не было здесь.

Замок входной двери щелкает так звучно, что я не мог бы не заметить, если бы Федор надумал уйти сам, но я на всякий случай схватил фонарик и, приоткрыв дверь, осветил в темноту.

– Федор! Где вы?!

Крик ответил эхом, а вслед за ним послышалось нарастающее шуршание песка.

Я остановился на пороге и с ужасом уставился на блекнущие стены.

Песок стекал волнами, стены прогибались, морщились, по ним шли разрывы. Это напоминало сгорающую в огне газету.

Я ощутил знакомый уже приступ сладковатого уныния.

В какой-то миг я решил броситься вниз по лестнице, но вдруг почувствовал, как под ногами толкнулся пол, затем еще раз – сильнее. И еще раз. Что это, черт возьми?

Раздался очередной глухой удар, и я понял, что это один

за другим обваливаются, превратившись в пыль, лестничные пролеты, отсекая дорогу к спасению.

Я отпрянул назад и захлопнул дверь, чтобы не видеть, как у самых ног образуется пропасть.

Некоторое время я стоял в прихожей, ожидая, что здание вот-вот рухнет. Но толчки под ногами прекратились и больше не повторялись.

Прошла минута. Я осторожно приоткрыл дверь, осветил фонариком.

Лестницы не было. Вниз, вероятно, до уровня земли, и вверх, до потолка шестого этажа, уходила шахта.

В воздухе кружила пыль.

Так. Каждый этаж превышает в высоту три метра. Я на пятом. Следовательно, подо мной метров тринадцать-четырнадцать.

Первое, что пришло в голову, – срочно раздобыть или сделать веревку. Нет, лучше четыре коротких и преодолевать по этажу.

Я стал на колени, осветил вниз. Отвесная стена, узкий обломок плиты, на котором можно устоять с большим трудом. Допустим, я привяжу веревку и смогу спуститься на четвертый этаж. Ну, а дальше?

Ладно, там видно будет.

Я вскочил на ноги и забегал по комнатам в поисках вещей, способных заменить веревку.

Покрывало, шелковая простынь, полотенца, какие-то бре-

зентовые ленты в шкафу... Я начал связывать их вместе.

Как же делается морской узел? Один конец сюда, другой – туда... Нет, как я ни старался, все время выходил дамский.

Я работал непрофессионально. Руки дрожали. Узлы получались ненадежные.

Шелк скользил, и мне пришлось пойти на поиски еще одного покрывала.

Заскочил в залу. Взгляд случайно упал на часы.

Боже! Без трех минут пять!

Я распахнул дверь, выбежал на балкон.

– Мира! Шишига! Где вы?!

Никто не откликнулся.

Может, они обошли с заднего двора и ожидают там?

Я кинулся на кухню, открыл форточку, влез на подоконник и, высунувшись по пояс, заорал опять.

Зов пролетел над крышами домов, контуры которых начинали проявляться в сумраке предутреннего неба.

Зов рассыпался на звуки и потонул в тишине.

Ничто в мире не шевельнулось, нигде не вспыхнуло оконце, не отозвалась лаем уличная собака, не вспорхнули птицы.

– Вернитесь! – не унимался я. – Помогите мне спуститься на землю!

Это было так дико: вопить из окна пятого этажа разрушенного дома, стоящего среди города, погребенного под прахом из стен и человеческих тел.

И вдруг я почувствовал, что утрачиваю над собой кон-

троль.

Дыхание перехватило, затем сам собой произошел судорожный вдох, и из груди вырвался нечленораздельный крик.

В глазах потемнело...

...Прихожу в себя в комнате, напоминающей спальню.

Через закрытую штору пробивается свет. Я полусижу, полужу на полу, опершись о кресло. Меня трясет от холода. Голова раскалывается от боли. Мучит жажда.

Тру виски. Сначала вспоминается кафе, нетронутое ризотто, драка, знакомство с Мирой. Затем – Федор, ночной мальчик и сторож Егорыч. Наконец, в памяти возникает рассыпающаяся лестница.

Превозмогая боль, вожу глазами вокруг. Рядом валяется пустая бутылка – та самая, при помощи которой я пытался привести Федора в чувства. На стене – разбитое зеркало. Под ним сломанный столик. Картина на полу. Часов нет.

– Кто-нибудь!

Тишина.

Дом все еще цел. Встаю и, с трудом сохраняя равновесие, направляюсь на кухню.

Здесь сравнительный порядок. Одна рюмка по-прежнему стоит вверх доньшком. Бутылка, допитая Федором, куда-то исчезла.

Жалюзи на окне плотно закрыты, хоть я точно помню, как отворял форточку и звал Миру.

Набираю в кружку воды и, не сводя глаз с закрытого окна, выпиваю. Мало. Набираю еще одну. Снова выпиваю.

Что, там, за окном?

Я перенес мощный стресс, закончившийся припадком. Я разрядился полностью и не могу сейчас испытывать глубокое волнение. Но бояться все еще могу.

В области солнечного сплетения становится горячо, в голове начинает шуметь. Это страх.

Боюсь смотреть в окно.

Именно в этот момент окончательно пробуждается память, и я вспоминаю исчезновение Федора.

Он словно ушел в иную реальность.

Возможно, когда я отключился, он возвращался, чтоб забрать пустую бутылку и снова уйти.

Тупо смотрю на жалюзи.

Проходит минута. Делаю несколько глубоких вдохов и выдохов и... снова не решаюсь подойти к окну.

Предполагаю, что именно там, на заднем дворе, или чуть дальше, располагается гараж, где стоит автомобиль Миры. Может, туда они с Романом и пошли первым делом. И нарвались на пятна. Я боюсь, что когда открою жалюзи, то увижу бескрайний пустырь.

На столешнице – открытая аптечка. Роюсь в ней, нахожу аспетер, распечатываю и выпиваю две таблетки. Шатаюсь, бреду в залу.

В коридоре спотыкаюсь о пустую бутылку. Ту самую, ко-

торуую опустошил Федор. Значит, он не забрал ее с собой в иную реальность. Уже лучше. Теперь я могу предположить, что он, все-таки, не исчез, а незаметно, беззвучно покинул квартиру и успел сбежать по лестнице в абсолютной темноте до того, как я его стал звать.

Вхожу в залу. На часах девять двадцать семь. Шторы задернуты.

Я боялся этого утра. Знал, что, придя в себя, не смогу смотреть в окна.

И вот утро наступило, я страдаю от сильной головной боли, но страх притупился, и дрожу я больше от холода. Что бы я там не увидел, вряд ли это будет для меня смертельным.

Подхожу к окну, отдергиваю штору. И на мгновение замираю. Затем дрожащей рукой нащупываю ручку, открываю дверь, выхожу на балкон.

Тучи превратились в дымку. Она расплзлась к горизонту, обнажив небо, и теперь солнце ошарашено смотрело на Москву.

Столица выцвела, стала похожа на ковер, изъеденный молью, или старую черно-белую фотографию, пострадавшую от брызг агрессивного вещества. За ночь соседние шестиэтажные здания превратились в холмы. Они засыпали собой улицу; чтобы ее очистить, понадобились бы бульдозеры.

Все было бледным, безжизненным и пугающим. От большинства строений между Пречистенкой и Остоженкой остались развалины, и теперь открывался вид на центр и восточ-

ные районы. Окна уцелевших домов чернели, как беззубые рты стариков. На некоторых зданиях виднелись расплывчатые границы между участками, еще нетронутыми коррозией, и мертвыми зонами, которые по каким-то причинам еще не стали трухой и не осыпались. Некоторые дома стояли как сожженные спичечные коробки, создавая иллюзию реальности и ожидая порыва ветра, чтобы бесшумным сухим потоком сползти вниз.

Я перегнулся через край трехгранного балкона и убедился, что дом теперь напоминает узкую покосившуюся башню, одиноко торчащую посреди желтоватого пепелища. Металлические перила нижних балконов лопнули и выступают острыми краями во все стороны. Только благодаря чуду эта часть дома не рухнула.

В эту минуту в голову пришла мучительная мысль: если бы катастрофа случилась только с Москвой, сейчас бы над городом уже кружились вертолеты, доставляющие спасателей.

Значит, все обстоит значительно хуже.

Вид из окна кухни был не таким жалким. Здания почти не изменились, лишь кое-где покрылись пятнами, похожими на табачный налет на зубах курильщика.

В некоторых местах стены покорежило, но в целом все сохраняло свой привычный облик. Либо Пречистенка была границей катаклизма, либо западные дома закрывали собой разрушения.

Я вернулся в залу, упал на диван и пролежал с четверть часа, ожидая, пока подействуют таблетки, и размышляя о своих дальнейших действиях.

Было утро первого дня новой эры.

Мне предстояло сдаться неведомым силам природы и погибнуть, став горсткой разлетающейся пыли, или объявить вызов могучей стихии, о которой я не имел ни малейшего представления, и выжить.

Я выбрал последнее.

3

После непродолжительных поисков я нашел вместительный и довольно прочный рюкзак и положил в него все, что, по моим представлениям, было необходимо на первое время при передвижении по зараженному городу: бутылку с водой, нож, молоток, и кусок плотной ткани, в которую можно завернуться. А еще прихватил золотую статуэтку в виде бегущей девушки с надписью «2014» – приз чемпионки по триатлону.

После этого взялся за изготовление веревки. Я решил сделать ее цельной, чтобы хватило с пятого этажа до самой земли.

В шкафах обнаружили два старых покрывала и плед. Я разрезал их и стал довязывать к тому отрезку, что сделал ночью. В итоге у меня получилась веревка около одиннадцати метров длиной.

Спускаться через балкон было опасно: я мог напороться на рваные края перил. Единственным выходом была лестничная шахта.

Я смотал веревку, взял за один конец и, открыв входную дверь, сбросил вниз. До первого этажа немного не хватало. Ладно, пролететь пару оставшихся метров – не проблема.

Втянув веревку обратно, я направился в кухню, приволок оттуда стол, перевернул его вверх ногами и установил попе-

рек двери. Привязав веревку к металлической перекладине между ножками, я вновь сбросил ее в лестничную шахту. Затем надел рюкзак и, крепко ухватившись за веревку, начал сползать по стене.

Стены были припорошены, и ноги скользили, как я ни пытался ими упираться. Пришлось лезть просто по веревке, однако толщина ее была неравномерной, и опускаться было неудобно.

Ноги то и дело съезжали с узлов, меня разворачивало и било об стену.

Скоро я весь вымазался желтой пылью, которая была повсюду. Не имея представления о ее свойствах и опасаясь контакта с ней, я прятал лицо в вырез пальто, что еще больше затрудняло спуск.

Наконец, я коснулся ногами узкого выступа, оставшегося от лестничной площадки третьего этажа, и, уловив равновесие, остановился. Я отдышал, стараясь дышать в сторону, чтобы случайно не сдуть пыль со стены.

Несмотря на то, что было светло, и я находился непосредственно в месте, где ночью буйствовали агрессивные пятна, мои знания о них нисколько не обогатились.

Я мог сказать наверняка лишь то, что химическое вещество, вырабатываемое в результате неизвестных реакций, не обладает запахом и по внешнему виду напоминает манную крупу.

Отдохнув немного, я продолжил путь вниз.

В эту минуту вверху что-то угрожающе закрипело. Я крепче схватился за веревку. Мысль о том, что она может оборваться, обеспокоила меня так, что я сделал несколько лишних движений. Неожиданно подошвы соскользнули с узла, и меня вновь стукнуло о стену. Я начал цеплять ногами веревку и, наконец, захватил ее и снова продолжил спуск.

Тут я заметил, что правая рука вымазана в пыль. Какого черта я не поискал перчатки? Я занервничал, напряг левую руку, а правую быстрым движением обтер о пальто.

Схватившись за веревку, увидел, что она испачкана еще сильнее. Я принялся изо всех сил на нее дуть и невзначай дунул на стену. Облако пыли ослепило глаза, я зажмурился, оттолкнулся изо всех сил ногами от стены, и в этот же миг вверху раздался громкий треск, а я, запрокидываясь на спину, полетел вниз.

Мне не приходилось падать на перину, но, наверное, я испытал близкое ощущение. Столбы пыли поднялись в воздух. Все, что я мог сделать, это схватить себя за отвороты пальто и накрыть ими лицо. Пытаясь подняться, я все больше проваливался в пылевой сугроб. Мне пришлось побарахтаться несколько минут, пока я смог выбраться на поверхность и перевернуться на живот. С трудом поднявшись, я стал отряхивать лицо и озираться в поисках выхода. Дверь была распахнута настежь, ее открыла куча пыли.

Проваливаясь по колено, я двинулся к выходу.

Выйдя на улицу, первым делом я сбросил с себя рюкзак,

затем пальто и стал отряхиваться. Пыль проникла под рукава, насыпалась за шиворот, и мне надо было раздеться догола, чтобы полностью от нее избавиться. Нужен был душ или ванна с каким-нибудь нейтрализатором, но ни того, ни другого поблизости не было.

Кое-как отряхнувшись, я повесил рюкзак на плечо и огляделся. Прежде всего – магазин одежды. Все, что на мне, надо срочно заменить.

Я вышел на середину улицы. Пречистенка превратилась в непролазные холмы. Обойдя то, что осталось от дома Миры, я увидел, что улочка, упирающаяся в Пречистенку, проходима. По ней я выберусь на Левшинский переулок, решил я, а там – на Смоленский бульвар.

Я не шел, а бежал. Справа и слева сверкали в лучах солнца золотистые холмы, я огибал их, поглядывая вперед, где, как мне казалось, местность сильно запорошена и стала почти неузнаваемой, и здания разрушены не меньше чем на Пречистенке.

Все было, как в безумном сне. Я мчался по улице, тяжело дыша, прижимая к себе рюкзак. Одна мысль стучала в голове – очистить тело от пыли. Если бы я сейчас даже повстречал прохожего, то, вряд ли бы остановился.

Добежав до Левшинского, я обнаружил, что ошибся, и дома здесь почти не тронуты коррозией, лишь местами на стенах заметны крупные пятна. У подъездов стоят брошенные автомобили.

Я свернул налево и, не сбавляя скорости, устремился к Смоленскому бульвару.

Вдруг я увидел большую витрину бутика и на бегу стал доставать из рюкзака молоток.

Подбежав, все же сперва схватился за ручку стеклянной двери. Магазин оказался открытым.

– Хозяева!

Никто не отозвался. Я отшвырнул рюкзак с молотком, сбросил пальто и стал срывать с себя костюм. Рубашка была мокрой от пота, и задним умом я понял, что мне не надо было так спешить: пот, как растворитель, мог усилить вредное действие пыли.

Я заскочил в какую-то подсобку с узким зарешеченным окошком и сразу наткнулся на кувшин с водой. Наклонившись, стал лить ее себе на голову, смывая пыль. Мне удалось кое-как умыться и ополоснуть шею. Затем я сбросил ботинки, разделся догола, обмыл голени, стопы и, наконец, руки. Вернувшись в торговый зал, сорвал с вешалки пару джемперов и обтерся ими. Я не чувствовал холода.

Тех мероприятий, что я сделал, было недостаточно. Вспомнив, что в рюкзаке есть вода, я вернулся к нему, достал бутылку и, отойдя в сторону, повторил процедуры. Затем тщательно вытерся, испортив кучу дорогостоящей одежды.

Температура в помещении была ненамного выше уличной, и я поспешил найти себе костюм. Отыскал белье, носки,

натянул их на себя, затем бросился к рядам брюк, рубашек и свитеров. Хватал первое, что попадалось под руки, смотрел лишь на размеры. Через пять минут я стоял посреди бутика в джинсах, толстом свитере и кожаной куртке, а вот обувью магазин не торговал.

Собственные мои ботинки я счел потенциально опасными и категорически от них отказался. Намотав на ноги два шерстяных шарфа наподобие портянок и прихватив из вещей только золотую статуэтку Миры, я отправился на поиски обувного магазина.

Искать долго не пришлось. Почти сразу на противоположной стороне переулка я заметил витрину, на которой стояли пары туфель и ботинок. На этот раз дверь оказалась закрытой. Мне не хотелось возвращаться за молотком, и я некоторое время бродил туда-сюда в поисках камня, пока не заметил небольшую металлическую урну у бордюра кафе. Притащив ее к витрине, я разбил стекло. Мне даже не пришлось забираться в магазин. Я просто протянул руку и взял серые ботинки, рядом с которыми стоял прозрачный ценник с цифрами «31200.00».

Обувшись, я пару минут любовался тусклым блеском кожи ботинок, затем поднял взгляд к фронтонам домов.

Итак.

Я оторвался от карниза, на котором сидел, и пошагал к Смоленскому бульвару.

Сколько людей осталось в этом районе, в городе, в стране,

в мире?

Надо попытаться кого-нибудь отыскать. Но на поиски я могу отвести не больше двух часов. Необходимо раздобыть наручные часы, несмотря на то, что я уже месяца три, как отучил себя от контроля времени.

Будет легче, если я воспользуюсь транспортом. Я не знаю, как угонять машины. Может, попадется какое-нибудь брошенное авто с ключом зажигания? Если нет, что-то придумаю.

Когда истечет лимит времени, отведенный на поиски братьев по разуму, я займусь подготовкой к ночи. Мне необходимо знать, какие из районов города пострадали в наименьшей степени, и в одном из них присмотреть себе новое жилье.

Когда и с этим будет покончено, я займусь главным: исследованием природы катаклизма. Я не сомневался в том, что рано или поздно найду в происходящем закономерность.

Для начала мне нужно будет найти действующие пятна и понаблюдать их при солнечном свете. Зависит ли скорость их распространения от вещества, которое они поразили, структуры материала, его температуры и так далее. Новые вопросы начнут возникать уже в ходе наблюдения. Уже к сегодняшнему вечеру я смогу составить первичный список инструментов и приборов, которые мне понадобятся для изучения пятен.

Кроме того, мне уже сейчас нужно думать об устройстве

генераторов и аккумуляторов: они будут обеспечивать мой быт и мои исследования электроэнергией. Надо раздобыть насосы, которые станут поднимать воду из реки, а также фильтры, чтобы сделать эту воду пригодной к использованию. Стоит также задуматься о запасе продуктов и холодильных камерах. Все это в пределах тех прогнозов на будущее, которые я смогу сделать в течение сегодняшнего дня.

Вопрос «что произошло?» делал меня все более собранным. Эмоции постепенно отступали на задний план. Как человек, уверенный в том, что миром движет разум, с каждым шагом я превращался в воина науки, вставшего на битву со стихией.

Я шагал по тротуару, вспоминая песочную кляксу, которая осталась от Егорыча. Мне показалось, что пару таких же клякс я видел, когда бежал с Пречистенки сюда. И все. Не больше.

Если следовать логике, на месте исчезнувших людей должны были оставаться эти желтоватые кляксы, но тротуар чист. В магазине я тоже не заметил ничего подозрительного.

Куда же исчезли люди? Где мне их искать?

Может, для начала вернуться назад и порыскать по изуродованной округе в поисках гаража, в котором Мира могла держать машину? Что, если их с братом до восхода солнца задержала какая-нибудь неожиданная проблема, а потом по причине Шишигиной аллергии они не могли прийти ко мне? Да нет, версия отпадает... До меня в любом случае могла бы

добраться Мира. Я не исключаю вариант, что она приходила позже, когда у меня начался аффективный припадок, которого я не помню. Значит, они либо успели уехать, либо...

Я подошел к фиолетовому «опелю» и подергал дверцу. Тут же включилась сигнализация, она буквально разорвала тишину. Я отпрянул и зашагал прочь. Несколько секунд мне казалось, что меня сейчас окликнут, но ощущение быстро прошло. Я заставил зазвучать еще несколько автомобилей, пока у самого поворота на Смоленский бульвар не наткнулся на черную «мазду», у которой дверца была приоткрыта. Я заглянул: ключ был в замке.

Устроившись, я завел мотор и включил печку. Окинул взглядом салон: кто владел этой машиной – хозяин или хозяйка?

На заднем сидении лежал детский рюкзачок в виде мишки-коалы.

Меня замутило, и я сказал себе: не думать об исчезнувших. Хотя бы, сейчас.

Я выехал на середину дороги и на небольшой скорости двинулся вперед, время от времени поглядывая по сторонам. Убедившись, что людей в Левшинском нет, я увеличил скорость и, выехав на Смоленский бульвар, завернул направо, в сторону Арбата.

Впереди было нагромождение машин: не просто пробка, а какая-то массовая авария. Подъехав, я остановил «мазду» и несколько раз посигналил. Ответа не последовало.

Я вышел и крикнул громко, как мог:

– Есть кто живой?!

– Кто... живой!.. – повторило эхо.

Подождав минуту, я проорал еще раз.

И снова услышал в ответ только бессмысленный хохот домов.

Я посмотрел на окна семиэтажного здания с торчащими повсюду блоками кондиционеров, и у меня мелькнула мысль пройтись по его этажам, заняться мародерством. Впрочем, мысль не просто глупа. Она нелогична.

Теперь мне принадлежит весь этот город. Пусть все вещи лежат на своих местах. Я могу ими пользоваться, когда захочу.

Вчера я продал свою единственную квартиру, сегодня у меня миллионы квартир. Миллионы телевизоров и предметов бытовой техники – мои. Вся одежда и мебель, и даже семейные фотоальбомы тоже теперь принадлежат мне, поскольку я единственный, кто может к ним прикоснуться.

Да нет же, мне не хватит остатка жизни, чтобы прикоснуться ко всем этим вещам.

Но почему жив я?!

Внезапно почувствовав приступ голода, я захлопнул дверцу и пошагал к супермаркету.

Войдя внутрь, присмотрелся: нет ли на полу песчаных клякс? Но полы были чистыми, как будто их только что вымыли.

Взял тележку и, объехав за несколько минут магазин, набрал в нее продуктов, которые, обычно покупал лишь на Новый год. Несколько баночек красной и черной икры, огромный кусок копченой осетрины, кусок форели чуть поменьше, упаковку сладкого перца, зелень, целую гору экзотических фруктов, несколько бутылок самого дорогого вина и две бутылки «Хеннесси». Прибавил к этому пару буханок хлеба, пачку масла, пачку сахара и три упаковки хорошего молотого кофе. Критическим взглядом окинул магазин, взял со стеллажа шестилитровую баклажку с водой, уложил в тележку и повез продукты к машине.

Не доезжая до «мазды», я сменил направление и двинулся в сторону автомобилей. Походил от машины к машине, заглядывая в окна и выбирая такую, в которой сидения окажутся пустыми. Наконец нашел подходящий серебристый «шевроле», загрузил в него продукты и, усевшись, завел мотор.

Потом отъехал назад, развернул машину и двинулся в сторону Зубовского бульвара, на ходу чистя банан. Моей задачей было проехать какую-то часть Садового, по пути сворачивая на другие улицы, а затем, оценив общую картину, двинуться в южные районы – туда, куда хотела отправиться Мира, и там присмотреть себе пристанище для ночлега.

Я ехал, не обращая внимания на дорожную разметку. Некоторые пробки приходилось объезжать по тротуарам. Однажды я остановился у ювелирного магазина «Лотос», в котором выбрал себе золотые часы «Ориент», второй раз –

посреди моста, чтобы позавтракать на капоте.

Поев, я не спеша поехал дальше. Вино не подняло настроение. Наоборот, я затосковал и, чтобы побороть это чувство, включил музыку.

Салон тут же наполнился заунывными аккордами, зазвучал знакомый голос:

*Нам уготовано, мальчик мой,
Легкое это бремя —
Двигаться вдоль по одной прямой,
Имя которой Время...*

Это была старая песенка, которую иногда слушали мои родители. Мне стало еще тоскливей, и я выключил проигрыватель.

Я обнаружил, что машин на улицах в несколько раз меньше, чем обычно. Значит, часть их тоже бесследно исчезла. К своему ужасу я неоднократно замечал кляксы желтоватого песка на асфальте. Особенно много их было в районе домов, пострадавших от коррозии.

Пропетляв больше часа по набережной, однако, так и не решившись сделать крюк в сторону Кремля, то и дело натываясь на значительные разрушения, я проехал по Маросейке, затем по Петровке, снова выехал на Садовое, после чего свернул на Волгоградский проспект, потом еще куда-то, и дальше покати́л по незнакомым улочкам.

В юго-восточных спальных районах разрушения были

незначительными, но все же иногда встречались. Я все еще надеялся внезапно наткнуться на толпу людей или хотя бы на группу беженцев. Вспоминая рассказ Федора о начале катаклизма, я представлял, что большая часть населения, спасаясь от пятен, каким-то образом объединилась и нашла себе убежище, допустим, в метро, но опускаться в его черноту пока не рисковал.

Дыры в слое облаков, виденные мной вчера, могли указывать либо на воздушную атаку новым видом оружия, либо на космическое происхождение катаклизма. В основном разрушены крыши и верхние этажи – это еще раз подтверждало мою догадку.

За время своей экскурсии мне не раз довелось видеть пятна в действии, однако пока я решил не приближаться к ним, а придерживаться первоначального плана.

Несколько раз я останавливался, прицениваясь к домам, заходил в магазины, особенно в хозяйственные. Кое-что полезное прихватил с собой, в частности, полдюжину различных фильтров для воды, два фонаря, целую сумку с батарейками. Заглянул в оптику и выбрал себе подходящие очки взамен разбитых. Я зашел также в магазин электроники, взял радио, но, сколько не пытался поймать хоть какую-нибудь радиостанцию, ничего не вышло.

...Этот дом мне понравился сразу, как только я его заметил.

Он стоял на самом берегу реки, и стенами напоминал неприступную крепость, сооруженную в стиле модерн.

Меня привлекло то, что это – одинокое здание. Наблюдения подсказывали, что «пятенная инфекция» передается больше от стены к стене, чем по горизонтальной поверхности. Поскольку поблизости вообще не просматривалось зараженных построек, я решил не сомневаться в выборе.

Подъехав ближе, я рассмотрел, что это ресторан. Над дверью красовалась вывеска «Поплавок».

На площадке перед входом стояло два автомобиля. Припарковавшись, я обошел строение с трех сторон и, удостоверившись, что стены чисты, поднялся по ступеням.

Дверь, как я и предполагал, оказалась открытой. Я вошел внутрь, включил фонарик.

В гардеробной висела верхняя одежда посетителей, стоял стул швейцара.

Я открыл дверь в зал. Пахло вчерашним праздником. Здесь явно не хватало естественного света, но в этом было что-то привлекательное. Я представил себе предстоящую ночь и подумал, что если я часть ее проведу здесь, мне будет не так уныло. Только надо подумать об освещении. В конце концов, можно привести сюда сотню декоративных фонарей из тех, которыми украшают сады, и устроить такую иллюминацию, что будет, как днем.

Столбы были сдвинуты. Похоже, тут проходил какой-нибудь корпоратив. На столах стояли тарелки с остатками хо-

лодной еды, рюмки с водкой и фужеры с недопитым вином.

Я обошел стойку, закрывающую дверь и попал в коридорчик, который вел на кухню. Перед ней было еще два помещения, как оказалось, продуктовый склад и холодильник. Открыв камеру, я обнаружил два ящика с размороженным мясом. Наклонившись, понюхал. Вполне свежее. Часть из него возьму себе на ужин, над остальным надо подумать. Если я не смогу обеспечить в ближайшие сутки работу холодильной камеры и полностью забить ее мясом, мне придется в будущем ограничиваться лишь тушенкой.

Кухня оказалась вместительной. Здесь могла работать сразу целая бригада поваров. На остывших электропечах стояли сковороды с недожаренными котлетами, глубокие миски с жульеном, противни с жарким.

На втором этаже я облюбовал себе комнату, которая явно была оборудована не для хозяйственных нужд.

Справа от входной двери, напротив большого зарешеченного окна, располагалась широкая кровать. На стене висел большой телевизор «Сони» – вещь бесполезная, но красивая. Рядом с кроватью стоял холодильник-бар. В нем обнаружилось три банки пива «Туборг». Возле окна находился стол, и я поставил на него золотую статуэтку Миры.

Была в этой комнате дверь в санузел, в котором душ совмещен с туалетом.

Окно комнаты выходило прямо на Москва-реку. Если установить генератор, я обеспечу подъем воды на чердачное

помещение, где можно сконструировать накопительный бак. Вода будет поступать в него после первичной очистки, а затем по мере необходимости использоваться. Электронагревательную колонку я установлю прямо в санузле. Впрочем, над обустройством дома всерьез я подумаю позже.

Выходя из комнаты, я вернулся к столу и, взяв в руки статуэтку, положил ее обратно в карман.

Потратив около часа на уборку, я загрузил в багажник машины несколько пакетов с грязной посудой и остатками пищи и вывез подальше от своего нового жилья. Через несколько дней по всей Москве начнет разноситься запах разлагающихся продуктов: сколько тысяч тонн их в домашних холодильниках, супермаркетах и гастрономах! Поэтому территорию вокруг своего дома я должен содержать в чистоте.

Из тех двух ящичков, что стояли в холодильнике, кусок мяса я порезал и замариновал в майонезе. Остальное же мясо, как мог, порезал и, обильно пересыпав солью, уложил в большие эмалированные кастрюли и поставил обратно в камеру.

Покончив со всем, я передохнул и вновь направился к машине. Теперь мне предстояло заняться пятнами.

Было без пяти два. Я завел мотор и выехал на дорогу.

Мимо понеслись еще не тронутые разрухой кварталы. Мне хотелось побывать во многих местах, заглянуть на свою бывшую квартиру и в лабораторию. Единственное, чего я не сделаю сегодня – не поеду на Красную площадь. Это место с детства представлялось мне каким-то священным. Если на

месте башен и стены я обнаружу желтоватые кучи, это меня надломит. Разумеется, я нашел бы в себе логику изменить свою установку, но только не в первый день.

Я доехал до станции метро Рижская, потом вернулся на Садовое, немного попетлял в направлении Цветного бульвара и затормозил возле глухой стены пятиэтажного здания, в которой происходили явные разрушительные процессы.

Выйдя из машины, я пошел к стене и остановился на безопасном расстоянии.

Дом был оштукатурен недавно, старых трещин я не увидел. Цоколь уже весь засыпан пылью. Четыре небольших пятна не спеша ползли снизу вверх, время от времени неожиданно расширяясь до размеров среднего окна и затем снова сужаясь. Два из них двигались почти параллельно, два других – беспорядочно, по кривой траектории. Стена на пути движения пятен выцветала, становилась бледно-желтоватой.

Я вернулся к машине, достал из багажника приготовленную сумку и вновь подошел к тому месту, где мысленно провел черту.

Открыв сумку, я вынул из нее приготовленные предметы: несколько стаканов, стеклянную бутылку с бензином, хлопчатобумажную салфетку и зажигалку.

Сначала я взял стаканы и стал швырять ними в пятна, пока дважды не попал. Никакой реакции со стороны пятен я не заметил.

Тогда я разорвал салфетку пополам, облил один конец бензином, вставил другой в горлышко бутылки, поджег и, пробежав несколько шагов к стене, швырнул эту самодельную гранату в то место, где два пятна сошлись близко друг к другу. Бутылка разлетелась вдребезги, и на стене вспыхнула пылающая клякса. Но это на пятна тоже никак не подействовало. Они невозмутимо продолжали свое движение.

Я подошел к машине, открыл дверцу и, усевшись на сиденье, долго наблюдал за аномалией.

Изрисовав стену вдоль и поперек, пятна почти одновременно увеличились и побледнели. Песок посыпался сильнее, теперь уже струйками, затем потоками. Куча у основания стены начала расти. И вот уже через несколько секунд вся сторона дома выглядела, как рыхлый брикет какого-нибудь полуфабриката.

Сообразив, что сейчас дом может рухнуть, я захлопнул дверцу, завел мотор и отъехал на несколько десятков метров. И вовремя. Часть здания беззвучно сползла, поднимая пыль высоко в воздух.

Я ехал и думал.

Продырявленный слой облаков. Неожиданное вторжение. Странное воздействие на психику. Необычная для неживой природы двигательная активность и взаимодействие со средой, групповое сосредоточение пятен, – иначе, как поведением, это не назовешь.

Еще вчера, когда мне не были известны масштабы про-

исшедшего, у меня мелькали предположения, что человечество столкнулось с внеземной формой жизни. Не скепсис, а скорее суматоха, не дали мне об этом глубоко задуматься.

Сейчас, имея лишь скудные и весьма противоречивые данные, мне не оставалось ничего другого, как принять эту гипотезу как основную из требующих доказательства или опровержения.

Итак, пришельцы?

Исчезновение многомиллионного населения города без всяких признаков и отдельных горожан с признаками превращения в пыль затрудняли развитие моего предположения, превращая его в путаницу.

Чтобы не превратить мой научный поиск в непроходимые дебри, я решил начать составлять список необходимого оборудования.

Прежде всего, мне понадобится генератор и пластиковые баки для топлива.

Поездив по городу, я нашел красную «тойоту» с грузовой платформой. Двухместный пикап оказался в отличном состоянии, и я расстался с «шевроле» без всякого сожаления. При желании найду себе точно такую же или лучше. Впрочем, я не был заядлым автолюбителем и внезапно доставшийся в наследство автопарк не вызывал у меня особого восторга.

Я поехал по округе, разглядывая рекламы, и скоро нашел огромный строительный супермаркет, где выбрал себе пор-

тативную тепловую электростанцию и все, что к ней прилагалось. Вывез оборудование на автопогрузчике и погрузил на платформу. В этом же магазине взял две столитровых бадьи, кое-какие инструменты и уложил их рядом с генератором.

Назад я возвращался другой дорогой и, когда проезжал мимо Лефортово, понял, что должен заехать в свою бывшую лаборатории. Я тут же повернул, и в голове одна за другой стали вспыхивать безумные идеи. Теперь, когда мне принадлежит весь мир с его богатством, я могу собственноручно завершить свою работу, а затем, когда научусь не только видеть прошлое, но и как-то взаимодействовать с ним, я смогу передать человечеству послание, в котором предупрежу его о приближающейся катастрофе.

И что? – тут же возразил я себе. Ни у меня, ни у того человечества, что в прошлом, нет оружия и соответствующих знаний, чтобы защитить себя от агрессивных тварей. Ожидание превратится в муку. Лучше уж так, внезапно.

Ворота института, разумеется, были закрыты. Я вошел через проходную, сходил к пожарному щитку и, разбив стекло, снял ломик. Вернувшись, я сбил замок, открыл ворота и, сев в машину, въехал на территорию.

В помещениях лаборатории происходило какое-то переоборудование и даже мелкий ремонт. Ну, надо же! На мои исследования у них денег не нашлось, а на замену окон и установку каких-то дурацких шкафов – пожалуйста.

К счастью, все мои приборы сохранились. Их перенесли в

одну комнату и сложили на два сдвинутых вместе стола.

Прежде всего, я перетащил в машину и уложил на сидение свое главное детище – хроновизор. Затем вернулся в лабораторию и взял еще кое-какие приборы, в том числе аппарат для ночного видения. Это устройство могло бы пригодиться в случае неожиданной атаки пятен.

Выходя из лаборатории, я обернулся и сказал:

– Ну, а теперь окончательный *au revoir!*

Выехав с территории института, я двинулся в сторону дома.

Было только около четырех часов, и еще можно бы поездить по городу, но я не был уверен, что за время моего отсутствия обстановка рядом с «Поплавком» не изменилась. Надо подготовиться к ночи засветло. Я стал рассуждать о том, как выгружу и где установлю генератор таким образом, чтобы он был защищен от дождя и при этом не загрязнял воздух в помещении. Хорошо было бы пробный запуск устроить еще сегодня. Вечер без света будет тягостен. Правда, и с электричеством теперь особого разнообразия не добьешься. Ведь даже телевизор нельзя посмотреть. Хотя, есть диски, проигрыватели, тысячи и десятки тысяч художественных и документальных фильмов, которые я не видел. Думается, в будущем, скорей всего, я вынужден буду стать заядлым киноманом.

Кстати, видел ли я в комнате проигрыватель? Возможно, он там и есть, но вряд ли сегодня мне удастся обеспечить

электропитание.

Вечером буду сидеть перед окном и слушать шипение радио, пытаясь найти волну.

Что, если мне самому попробовать запустить какую-нибудь из московских радиостанций?

Тут в голову пришла мысль, что я должен найти магазин, где продаются портативные рации. Ведь до сих пор по всему миру существуют тысячи любителей пообщаться в эфире.

Задумавшись, я не заметил, как проскочил поворот на Волгоградский проспект, и опомнился лишь тогда, когда проезжал в районе Серпуховской.

Я развернулся перед очередной пробкой и остановился.

Действуя по какому-то необъяснимому наитию, я вышел, пересел в первое из попавшихся авто и рванул в сторону Пречистенки.

Доехав до конца Зубовского бульвара, выбрался из машины. С утра здесь произошли некоторые изменения. Дома вокруг стали ниже на один-два этажа. Кое-где повреждено асфальтное покрытие.

Вот он, ров с провалившимся троллейбусом, о котором говорил Федор: рога торчат в разные стороны. Я перебегаю по крыше, прыгаю, оказываюсь на зараженной стороне.

Сердце бьется, словно я иду к себе домой и знаю, что он разрушен.

Вот кафе «Колонна», дверь открыта настежь, сквозь стекло просматриваются столики. Приходит неуместная мысль:

интересно, по-прежнему ли на крайнем столике стоит мое ризотто?

Следующее здание и библиотека разрушены до основания: они превратились в гряду невысоких желтоватых барханов. А на перекрестке все также возвышается обглоданная башня.

Обхожу кучи песка, иду мимо дома, сворачиваю в проход и попадаю во двор, где я уже бывал. Здесь стоит две машины, а около следующего дома еще три. Справа металлический забор и трехэтажное здание. На нем видны следы коррозии.

Иду дальше, и вот передо мной два ряда гаражей – как раз под окнами здания.

– Мира!

Останавливаюсь, прислушиваюсь.

Ничего не могло ее задержать здесь... если она жива.

Квартироваться в одном из этих домов тоже нет никакого смысла.

Значит, они уехали. В лучшем случае.

Стою, смотрю на гаражи. Заново пытаюсь представить действия Мира и Шишиги после того, как мы расстались. Если тот гараж, в котором хранилась машина Мира, и в самом деле находится здесь, то ничего не должно было бы им помешать до него добраться, поскольку на пути нет никаких препятствий.

Мне надо пройти по этому пути и убедиться в том, что на земле нет песочных клякс. Мне очень трудно это сделать, но

я иду к гаражам. Не доходя до середины первого ряда, вижу, что дорога чиста. Скрепя сердце, обхожу гаражи. Я должен увидеть все своими глазами.

Выхожу из-за угла, и у меня вспыхивает надежда.

Строение, стоявшее с противоположной стороны, превращено в холм. Песок засыпал ворота половины гаражей.

Когда это случилось? Час назад? Утром? Или, все-таки, ночью?

– Мира! Роман! Отзовитесь!

Я не слышу ответа, но некоторые гаражи завалены почти до верхнего края ворот. Если внутри кто-нибудь и есть, он находится в полной звукоизоляции.

По песку взобраться невозможно. С трудом залезаю на крышу одного из гаражей и пробегаю по всему ряду, продолжая на бегу орать.

Двигаюсь по самому краю крыш, и вот замечаю, что ворота одного из гаражей прилегают неплотно, словно были внезапно захлопнуты песчаным оползнем.

Кричу, но не слышу ответа.

Осматриваюсь. Это третий гараж от края ряда. Я спрыгиваю, начинаю отгрести песок, продолжая выкрикивать имена.

Минут через пять понимаю, что глупо пытаться откинуть руками несколько десятков кубометров пылевидного песка.

Я съезжаю с холма и бегу в произвольном направлении. Мне срочно нужен бульдозер. Клянусь себя за то, что упустил

столько времени.

Пыль попала в ботинки, я весь перепачкан, но с утра я не чувствовал ни зуда, ни жжения, и мысль о заразности этого желтого вещества меня больше не беспокоит.

Где же в этом районе могут находиться организации, имеющие тяжелую технику? Пытаюсь вспомнить, когда и где вообще я видел в последнее время бульдозер и тут же в голову приходит, что как раз за тем зданием, в окна которого я стучался минувшей ночью и которое теперь превратилось в пыль, кажется, стоял какой-то строительный транспорт: теперь, когда здание рухнуло, это было видно.

Бегом возвращаюсь на Пречистенку.

Так и есть, я не ошибся. Из-под навеса выглядывает ковш трактора. Это просто везение.

Через кучи перелезть не хочется – карабкаюсь через ворота.

Похоже, здесь была какая-то ремонтно-строительная организация. Всюду импортная техника. Тут все, что мне нужно.

Под навесом стоит несколько машин. Вот ковш примерно на полкуба. Даже не знаю, как это правильно называется – трактор или экскаватор.

Дверца открыта. Влезаю в кабину, усаживаюсь на сидение, пытаюсь сориентироваться.

Так, ручная подача топлива, педали сцепления и тормоза, управление гидравликой... Все довольно просто и удобно.

Включаю мотор и, не дожидаясь, пока он прогреется, трогаюсь с места. На ходу пытаюсь разобраться с передним ковшом. Он поднимается вверх-вниз.

С разгона врезаюсь в ворота. Вместо того чтобы распахнуться, они просто валятся вместе с частью каменного забора, который раньше соединял стены двух зданий.

Проезжаю мимо руин дома Миры, заворачиваю во двор, объезжаю гаражи и неумело втыкаюсь ковшом в песчаный холм.

Песок легкий и особого сопротивления мой трактор не испытывает, однако поднимается столько пыли, что за окном все погружается в шафранный туман.

Сначала я занимаюсь лишь тем, что нагребая песок на уже имеющуюся кучу. Проходит некоторое время прежде, чем я понимаю, что надо делать, и, наконец, мне удается зачерпнуть рыхлую массу, сделать задний ход, затем повернуть и вывалить песок на площадку перед домом.

Время летит быстро. Не успеваю заметить, как проходит полчаса, а я не разгреб кучу еще и до середины ворот самого крайнего гаража.

Трактор грохочет, ковш то и дело ударяет по асфальту. Если Мира и Шишига в гараже, они, безусловно, слышат шум.

К половине пятого я освобождаю крайние ворота. Скоро начнет смеркаться, а мне еще работать и работать.

Но у меня появляются навыки, и я осваиваю кое-какие хитрости. Я понимаю, что могу не отвозить зачерпнутый

грунт на площадку, а просто отгрести его в сторону. Так получается значительно быстрее, и куча начинает уменьшаться на глазах. Уже к половине шестого я достигаю цели. Как только участок перед воротами оказывается расчищенным, я глушу мотор и выскакиваю из кабины.

Когда я распахнул ворота, из темноты на меня удивленно вытаращились фары «ауди». Я осветил фонариком все углы гаража, заглянул в салон машины. Миры и Шишиги нигде не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.